

ТРАКТАТ НИКОЛАЯ КАВАСИЛЫ «О БЕЗЗАКОННЫХ ДЕРЗОСТЯХ АРХОНТОВ В ОТНОШЕНИИ СВЯЩЕННЫХ [ИМУЩЕСТВ]»

(Перевод с греческого П.В. Кузенкова
под редакцией М.В. Грацианского)

Представлен первый полный перевод на современный язык известного сочинения Николая Кавасилы Хамаэта, считающегося одним из важнейших памятников поздневизантийской политической литературы. Обоснована датировка трактата временем правления зилотов в Фессалонике (1342–1350).

Ключевые слова: Николай Кавасила, социально-политические трактаты, церковно-государственные отношения в Византии.

The first translation into modern language of the treatise of Nicholas Cabasilas, regarded as one of the most important work on late Byzantine politics. The date of the treatise is proved to be connected with the *Zealot* regime in Thessalonica (1342–1350).

Keywords: Nicholas Cabasilas (socio-political treatises), church and state relations in Byzantine Empire.

Представленное ниже сочинение Николая Кавасилы Хамаэта (ок. 1319...1323 – после 1397 г.) посвящено едва ли не самому острому вопросу византийской внутренней политики: отношениям между государственными и общественными интересами, с одной стороны, и частными и церковными – с другой. Трактат, названный Дж. Томасом «одним из самых занимательных документов во всей византийской истории»¹, до сих пор не переводился на новые языки, и появление русского перевода должно помочь введению этого любопытнейшего текста в широкий научный оборот.

Сочинение сохранилось в двух редакциях: основной и так называемой ранней. Обе они были изучены и проанализированы американским византинистом Игорем Шевченко (1922–2009), который в 1957 г. издал трактат по известным спискам (в сопровождении английского пересказа)², а впоследствии, обнаружив другую (анонимную) редакцию, привел перечень ее разночтений с опубликованным ранее текстом³.

Основная редакция известна по нескольким спискам, в которых содержится имя автора и заглавие «Λόγος περὶ τῶν παρανόμων τοῖς ἄρχουσιν ἐπὶ τοῖς ἱεροῖς τοῖς μωμένων»:

¹ *Thomas J.Ph.* Private Religions Foundations in the Byzantine Empire. Washington, 1987. P. 263.

² *Ševčenko I.* Nicolas Cabasilas' «Anti-Zealot» Discourse: A Reinterpretation // DOP. 1957. Vol. 11. P. 91–131.

³ *Ševčenko I.* The Author's Draft of Nicolas Cabasilas' «Anti-Zealot» Discourse in Parisinus Graecus 1276 // DOP. 1960. Vol. 14. P. 179–201.

Р – Parisinus gr. 1213 (середина XV в.), fol. 245r–269v;
S – Parisinus suppl. gr. 681 (середина XV в.), fol. 95^r–110^v (почерк, схожий с Р; § 4.11–40.17⁴);
С – Coislinianus 315 (XVII в.), fol. 451^r–494^v (список с Р);
W – Vindobonensis theol. gr. 262 (XV в.), fol. 344^r–369^v (плохой список с Р).
В основу издания Шевченко положены списки Р и S.

Другая редакция представлена в единственной рукописи, где не указан автор, а заглавие дано в краткой форме «Πρὸς τοὺς ἐν ταῖς ἐξουσίαις»:

А – Parisinus gr. 1276, fol. 65^r–87^r, 96^r–99^r (тетради перепутаны в кодексе, относятся к последней четверти XIV в.).

Текст содержит многочисленные исправления и схолии, выполненные почерком, отличным от основного (обозначены как А²). Кроме того, в рукопись вставлены два листа (с текстом § 41.23–50.7), написанные другой рукой (А^b).

По убеждению И. Шевченко, редакция, содержащаяся в списке А, представляет собой «смешение двух ранних версий трактата, с собственноручными изменениями, удалениями и добавлениями автора». О вмешательстве в текст именно автора, а не редактора, говорит как будто бы характер правки: несколько строк вычеркнуты и заменены более пространством пассажем того же содержания; на полях добавлены вставки, иногда весьма объемные; отдельные слова зачеркнуты, другие добавлены, а некоторые вычеркнуты той же рукой после добавления. Вариант А до правки Шевченко назвал «ранней стадией» (the Earliest Stage), а вариант текста после правки А² и А^b – «второй расширенной редакцией» (the Second Enlarged Version). При этом создание ранней стадии издатель отнес к последней четверти XIV в., а правку А² счел автографом самого Николая Кавасилы⁵. Все исправления и добавления второй редакции вошли в состав «третьей улучшенной редакции» (the Third Improved Version), которую представляет рукопись Р. Промежуток времени между первой и третьей редакциями Шевченко оценил весьма широко: от нескольких недель до десятков лет⁶.

Впрочем, как я попытался показать ранее⁷, общие соображения, вытекающие из стилистики и содержания рассматриваемого трактата, не дают нам оснований отделять его от других социально-политических сочинений Николая Кавасилы, созданных в конце 40-х – начале 50-х годов, XIV в., и передавать последней четвертью этого столетия. Это мнение подтверждают и наблюдения за рукописной традицией. Ведь даже если видеть в А² собственноручную правку автора, текст А не может считаться оригиналом трактата. Он написан другой рукой, содержит пропуск из-за гомеотелевта (§ 56.2–3), описки, явно вызванные ошибками слуха (например, ἦμῖν – ὕμῖν, § 57.11), а также недоуменную приписку τίνος ἐννοίας («в каком смысле?»), сделанную основным почерком на полях у малопонятного места (§ 54.17). Следовательно, редактировался не подлинник, а один из списков уже существовавшего сочинения, и время написания рукописи А дает нам лишь *terminus ante quem*.

⁴ Здесь и далее указаны параграфы и строки по изданию 1957 г.

⁵ *Ševčenko I. The Author's Draft...* P. 185–187.

⁶ *Ibid.* P. 187.

⁷ См.: *Кузнецов П.В. Кому адресован трактат Николая Кавасилы «О беззаконных дерзновениях архонтов»? // ВВ. 2011. Т. 70. С. 151–164.*

Изменения, сделанные во второй редакции, как правило, не носят принципиального характера. Обращает на себя внимание вставка о «баратре» (пропасти) для неисправимых правителей (§ 2.15; в первоначальном варианте речь идет лишь о мече), что наводит на воспоминание о судьбе Иоанна Апокавка, сброшенного толпой зилотов со стены акрополя в Фессалонике. В одном месте «епископ митрополии» заменен на «епископа города» (§ 39.5), однако уже через строчку оставлен «епископ митрополии». Возникает вопрос, какова была цель вычеркивания $\mu\eta\tau\rho\omicron$ - в версии A². Аналогичный вопрос возникает в случае замены $\beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota\varsigma$ на $\delta\epsilon\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota\varsigma$ (§ 2.7). Не совсем понятна и замена «епископа» на «иерея» (§ 56.4), поскольку и в цитате из апостола Павла, и в контексте речь идет именно о епископе. Возможно, редактор желал максимально расширить сферу действия трактата, распространив обвинения против конкретного митрополита на духовенство вообще. Не исключено, что в эту тенденцию укладывается и замена $\acute{\alpha}\gamma\upsilon\omicron\sigma\iota$ $\beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\sigma\iota\nu$ на $\acute{\alpha}\rho\chi\upsilon\omicron\sigma\iota\nu$ $\beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\sigma\iota\nu$ (§ 10.6), вводящая императоров в число архонтов со всеми вытекающими последствиями. Пространная вставка (§ 27.7–28.15) с примерами из Библии на тему любостязания выглядит не вполне уместной; кроме того, она содержит выражение «ни город, ни весь народ», которое выходит за рамки сферы действия основного текста, ограниченной отдельно взятым городом. Все это говорит о том, что первоначальный вариант трактата и его вторая редакция создавались в разных условиях и имели разную целевую аудиторию. Разночтения в P, не восходящие к A² (так называемая третья редакция), носят мелкий стилистический характер, хотя нередко ухудшают смысл. Например, замена $\delta\omicron\mu\omicron\tau\iota\mu\omicron\varsigma$ (равные по чести) на $\delta\omicron\mu\omicron\phi\acute{\upsilon}\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ (единоплеменники, сограждане) в § 39.7 лишена смысла, так как речь здесь идет именно об иерархических отношениях. Любопытно исчезновение мима из перечня позорных профессий (§ 23.34).

Таким образом, можно предположить следующую судьбу данного трактата. Первоначальный вариант, носивший, по всей вероятности, название «Слово к находящимся у власти», был написан (и зачитан?) Николаем Кавасилой в Фессалонике между 1345 и 1347 гг., когда город контролировался сторонниками династии Палеологов, так называемыми зилотами, боровшимися с Иоанном Кантакузином. Оппонентами, с которыми полемизировал Кавасила, были светские и духовные власти Фессалоники. Первыми могли быть Иоанн Апокавк (1345) или Андрей Палеолог (1345–1347), вторым почти наверняка являлся митрополит Иакинф (1345–1347). Впоследствии, в 60-е 0-е годы XIV в., либо сам Кавасила, либо кто-то иной вновь обратился к данному трактату, переименовал его и внес дополнения и некоторую правку.

Перевод выполнен по изданию 1957 г. (номера страниц в квадратных скобках), но восполнен первоначальными чтениями списка A (в круглых скобках в основном тексте, с указанием в аппарате); сохраняемые чтения 2-й и 3-й редакций указываются в угловых скобках. В сносках приводятся источники цитат и аллюзий, а также некоторые греческие слова и выражения, перевод которых нетривиален.

Труд по редактированию перевода любезно взял на себя М.В. Грацианский, предложивший множество исправлений и улучшений.

Условные обозначения:

A – основной текст в Paris. gr. 1276 (ранняя версия)

- A¹ — исправления и вставки почерком основного писца той же рукописи
 A² — правка второй рукой в той же рукописи (2-я редакция)
 A^x — правка, почерк которой точно не установлен
 A^b — вставные листы в Paris. gr. 1276
 P — текст в Paris. gr. 1213 (3-я редакция)

СЛОВО О БЕЗЗАКОННЫХ ДЕРЗОСТЯХ АРХОНТОВ В ОТНОШЕНИИ СВЯЩЕННЫХ [ИМУЩЕСТВ]⁸

1. Дурных архонтов, которые законы (попирают)⁹ и презируют справедливых из-за порочности образа мыслей¹⁰, никаким словом нет возможности исправить или заставить образумиться, так как погрешают они вовсе не потому, что не знают, что нужно делать, но по доброй воле вершат дурные и злые дела. Те же, кто хотят быть во всем честными и справедливыми, но нарушают закон, введенные в заблуждение предлогами соблудности некий расчет¹¹, для таковых естественно и выслушать охотно, если кто-то представит должное, и послушаться с легкостью, и, научившись, исправить то, что они по неведению нарушили. Ибо для них долг их оказывается выше расчетов¹², и более ничто не мешает им во всем соблюдать свои [обязанности]¹³. А дурные, зная истину и до увещаний, не станут ничуть менее порочными, так что не впрок им и то, что они сами знают, и то, что будут выслушивать от других. Поэтому в отношении них следует молчать, поступая по речению (мудреца)¹⁴: не пристало *обличать злых*¹⁵, но к добрым следует обратиться — увещевая, советуя, обличая в их политической деятельности¹⁶, если совершили они по неведению нечто дурное. Ведь они не только станут лучше для общества¹⁷, но и к нам будут чувствовать благодарность за обличения.

2. Итак, если кого-то раздражают эти слова — они будут сказаны не для них, так что раздражение их было бы несправедливо. Ведь если они сердятся, сознавая пользу от этих слов для тех, кто к ним прислушивается, это было бы завистью; а к чему завидовать, если можно подражать? Если же они воспринимают эти слова болезненно, хотя стрела направлена против других — чем же они задеты? Ведь если и надо жаловаться, жаловаться надо обличаемым. Впрочем, и врач, готовя лекарство для (нуждающихся)¹⁸ больных, едва ли принесет пользу тем, кто не хочет [его] принимать. И разве не курьезно видеть, что те, кто подвергаются ударам, не только терпят их, но и чувствуют к бичующим благодарность за них, в то время как те, кто ничего такого не испытывают, негодуют и кричат, как резаные? Но те, кто не ведали никакого

⁸ P : Πρὸς τοὺς ἐν ταῖς ἐξουσίαις (К находящимся у власти) A.

⁹ νόμους πατοῦν A : λύουσι νόμους (нарушают законы) A²P.

¹⁰ γνώμης μοχθηρία.

¹¹ προφάσεσι λόγον τινα σφίξειν.

¹² τῶν λόγων.

¹³ τὰ αὐτῶν ἐν ἅπασιν σφίξειν.

¹⁴ σοφοῦ A : Σολομώντος (Соломона) A²P.

¹⁵ Ср.: Притч. 98.

¹⁶ περὶ ὧν πολιτεύονται.

¹⁷ τῷ κοινῷ.

¹⁸ δεομένοις A : βουλομένοις (желающих) A²P.

страха за свои деяния, пусть не [92] слушают увещаний: ибо к ним не относятся ни это слово, ни руки врачей и лекарство, ни что-либо иное из [средств] мягких¹⁹ и человеколюбивых, но должны ждать их решения судей, руки палачей и предусмотренный законами меч, баратр²⁰ и тому подобное²¹. Об этом и [слова] Пророка: *Браздами и уздою челюсти их обуздаешь, пока они не приблизятся к тебе*²², говорящего, что для тех, кто не воспитывается словом, остается принуждение.

3. Наше же рассуждение²³ пойдет об архонтах, которые мудры и честны, предпочли бы что угодно, но только не предавать закон мнению, и понимают общую природу, согласно которой один человек не в состоянии все знать: они не считают постыдным учиться, и если кто учит их тому, что [от них] ускользнуло, того не стыдятся и не ругают, но считают благодетелем. Итак, я говорю о том, в чем мы обвиняем их; пусть же будут для них судом самые верные из их товарищей и ближайших друзей, а карой, если они будут уличены в беззаконии, – выразить благодарность своим обличителям и судьям за приговор и исправить совершенное до этого зло.

4. (Некие [люди] построили храмы и придали им поля, и дома, и плетры²⁴ земли, и рощи, и сады и тому подобное; и повелели пользоваться этим священным мужам, которые живут при участках (τοῖς τεμένεσι προσεδρεύουσι) и исполняют положенное; и, записав это в завещаниях, отошли [в мир иной]. Итак, ясно, что как это принадлежало бы купившим, равным образом [принадлежит] и тем, кому это подарили: ведь без разницы, приобрести так или иначе: но одинаково является владельцем полей и тот, кто платил деньги, и тот, кто нет.)²⁵

У монастырей²⁶ имеются определенные поля, и дома, и деревни²⁷, и плетры земли, и тому подобные источники средств. Пользоваться ими следует предоставить монахам, которым отдали их владевшие изначально²⁸. Однако эти (т.е. обвиняемые – П.К.), (отнимая, предоставляют [право] либо самим себе, либо другим использовать их)²⁹ – прежде всего деньги, пшеницу, ячмень и вино³⁰ и иные плоды земли, а иногда и земледельцев, и деревни, и сами земли³¹. И это несмотря на то что отдавшие это [имущество] были владельцами³² и имели полное право³³ отдавать, и через них [являются] владельцами

¹⁹ ἡμέρων.

²⁰ βάραθρον – пропасть в Афинах, куда сбрасывали осужденных насмерть.

²¹ но должны ждать их... подобное A*(A^{2?})P : но полагается [им]... меч A.

²² Ср.: Пс. 31:9.

²³ διαδικασία.

²⁴ Плетр (πλέθρον) – мера площади (ок. 10 соток).

²⁵ A : – A²P.

²⁶ φροντιστήριος.

²⁷ συνοικίαι. Слово συνοικία может значить как сельский населенный пункт, так и монашескую общину (см. примеч. 99).

²⁸ κτησάμενοι τὴν ἀρχὴν A : χρησάμενοι τὴν ἀρχὴν P.

²⁹ A²P : отнимают A.

³⁰ Ср.: Одиссея. IX. 110.

³¹ αὐτὰ τὰ χωρία. Здесь χωρίον означает скорее земельное владение в целом, чем сельское поселение (ср. новогреч. χωριό).

³² δεσπόται.

³³ κύριοι.

принявшие, которым те уступили его при жизни или отошли [в мир иной], написав о том же в завещаниях. Ведь приобретение тем и другим способом ничем не различается, но одинаково является владельцем полей как заплативший деньги, так и получивший от продавца даром; а для последнего не будет разницы, принять дар от еще живущего или от покойного: ведь ничем не хуже способ приобретения, когда получающий приобретает через завещание. Так гласят законы, и нарушать завещания – все равно, что выступать против закона.

5. Кроме того, хотя законы велют производить в начальники без мзды³⁴, у этих (т.е. обвиняемых – П.К.) не бывает, чтобы к власти пришел тот, кто не дал бы как многих подарков до назначения³⁵, так и множества даров после полученного от них назначения. И самое ужасное, что таким же образом производят в священники³⁶ те, кто поставлены во главе священников. Они же обирают [их] дома по их смерти, хотя бы те и оставили тысячи наследников. И собирают доходы с городов и медлят сразу присылать, кого следует, [93] намереваясь увеличить имение³⁷, хотя касающиеся этого законы³⁸ и подвергают дерзающих на такое самое суровым проклятиям.

6. Такие вот и иные прочие [совершаются] беззакония. Оправдание же таково:

«Заботящиеся о государстве³⁹, – говорят они, – во всем должны поступать, имея в виду общую пользу⁴⁰. Таким же образом, как мы видим опекунов распорядившимися имуществом малолетних не так, как тем хочется, но принося им пользу тем способом, который те сами знают, – так же и таковым (нужно быть)⁴¹ общими руководителями⁴² для домохозяйств каждого из тех, кто находится под их началом. Ведь что из того, что у тех нет недостатка в возрасте, как у детей, но им не хватает ума, и они пользуются своим [имуществом] как попало? Ведь и опекунов по возрасту законодатели назначают ради того, чтобы обрести ум для тех, кто пока не достиг зрелости: потому что если бы дети по разумению не уступали бы мужам, не нуждались бы и в наставниках. И стало быть, если некоторые нуждаются в том, кто научит их полезному, – а нуждаются, естественно, многие, и эту часть [людей] можно сопчислить к детям, – то всеобщим попечителям, каковыми и следует считать архонтов, надлежит как можно лучше распорядиться их имуществами, желают те того или нет, а если те будут противиться и плакать, не обращать на них внимания, как на малых детей.

И поскольку таков повсеместный образ начальства⁴³, что страшного, если, взяв кое-что из того многого, что относится к монастырям, мы накор-

³⁴ См.: Василики. III. 6; Исагога. 7.

³⁵ χειροτονίας.

³⁶ τοὺς ἱερούς ποιούσιν, букв. «делают священными».

³⁷ χρέος Α : κέρδος (выгода) Α²Р.

³⁸ См. 25-е правило IV Вселенского собора. Здесь и далее автор, говоря о законах, не делает различия между светскими, церковными и библейскими нормами.

³⁹ τοὺς ἐπιμελητάς τῶν κοινῶν.

⁴⁰ τὸ κοινῆ λυσιτελέс.

⁴¹ εἶναι χρή Α : ἀξιούσιν εἶναι (считаются) Α²Р.

⁴² τοὺς κοινούς ἡγουμένους.

⁴³ τὸ τῆς ἀρχῆς σχῆμα.

мим бедных, обеспечим иереев, украсим храмы? Это не нанесет им вреда, так как оставшегося достаточно для употребления, и ни в чем не расходится с намерением изначально сделавших вклад: ведь их целью было не что иное, как служение Богу и пропитание бедных. Таково и наше дело. Если же мы на это еще и вооружим воинов, умирающих за эти священные [обители], законы и стены, – разве это не лучше, чем если это будет впустую потрачено монахами и иереями, которым довольно немногого для трапезы и малого – для иных жизненных надобностей, сидящих дома и живущих под кровом, не подвергаясь никакой опасности? Да и для них самих более уместно тратить таким, а не иным образом: ведь им в высшей степени нужно, чтобы были непоколебимы стены и законы, – а чье, если посмотреть, это дело, как не воинов? Так в чем же мы допускаем беззаконие, если подобно тому, как чинят крышу, выравнивают покосившийся дом, ухаживают за полями и землями, так и мы велим содержать тех, кто сражается за их свободу? Разве не позволено содержать за счет этих священных [имуществ]⁴⁴ слугу⁴⁵, земледельца, хлебопека, строителя? А если можно их – почему нельзя тех?

7. Поскольку же мы, приносящие таким образом пользу всем, о своем хозяйстве ничуть не думаем⁴⁶, ни богатство не умножая, ни жилище не украшая, но всегда добываясь в тратах того, что принесет пользу находящимся под нашим начальством, разве справедливо упрекать нас, если [94] мы потратим на те же нужды плату, внесенную кем-то из заступающих на начальственные должности⁴⁷? Посмотрим, где в этом деле нарушается справедливость? Ведь здесь имеются три [момента]: деньги, дающие и принимающие. Деньги не могли бы быть потрачены лучше. Мы ни в чем не поступаем несообразно⁴⁸, используя их с как можно большей пользой. Дающие же ни в чем не терпят несправедливости, делая взнос по собственному желанию. Итак, если нельзя найти, к чему относится упрек, – поскольку происходящее хорошо во всех отношениях, – мы и не совершаем беззакония. Да и законодатель соответственно запретил не те дары, от которых очевидна польза, но вообще такие, которые кто-либо брал бы себе и за это избирал бы в начальники не по справедливости. Мы же избираем лучшего из тех, кого знаем, и дар не повреждает⁴⁹ решений, деньги же получает государство⁵⁰.

8. В силу того же самого и кормления иереев⁵¹ в городах, на которые в каждом содержатся свои собственные [епископы], если кто-то по смерти их считает достойным отнести к митрополии, чтобы на них содержать всеобщего пастыря и его окружение⁵², – откуда для всех и законы, и священство, и всякое что ни есть благолепие⁵³, – тот творит благо и самим городам, оберегающим для себя мать⁵⁴ как главу или сердце. Ибо и Христос счел достойным,

⁴⁴ παρὰ τῶν ἱερῶν τούτων. Вариант перевода: «при этих священных [лицах? обителях?]».

⁴⁵ οἰκέτην.

⁴⁶ τῶν οἰκείων οἰκονομοῦντες οὐδέν.

⁴⁷ ἐπὶ τὰς ἀρχάς.

⁴⁸ παρὰ τὸ σχῆμα.

⁴⁹ οὐ διαφθείρει – ср. лат. corruptio.

⁵⁰ τὸ κοινόν.

⁵¹ τῶν ἱερέων σιτήσεις. Здесь под иереями понимаются в том числе и архиереи, епископы.

⁵² τὸν περὶ αὐτὸν χορόν.

⁵³ ὅτιοῦν τῶν σεμνῶν.

⁵⁴ Т.е. митрополию, «город-мать».

чтобы *проповедующие евангелие жили от благовествования*⁵⁵. Да и собирают средства они⁵⁶ не только для самих себя, или детей, или родственников, но и для многих частных лиц⁵⁷, для многих иереев, которые, не имея возможности обеспечить жизнь за свой счет, взирают на руки тех, от которых получают и платье, и коня покойных, и деньги, и все то, что изымается из их хозяйства или у наследников. Это и для преставившихся прилично, и обществу полезно. Да и обыкновение в этом уже имеется: ведь не мы первые начали это дело и осмелились на такое, но следуем многим другим, поступавшим так же».

9. Таково оправдание этих людей, подразделяющееся на три [пункта]: допущение относительно власти⁵⁸, по которому они, как утверждают, могут как им угодно управлять хозяйством подначальных; то, что изъятое они используют должным образом, благодаря чему, даже если отняли против воли, ни в чем не нарушают справедливость; и, в-третьих, обычай, по которому и законы защищают тех, кто велит, чтобы в городах обычай был вместо закона⁵⁹. А то, что ничто из этого не избавляет их от вины, но ничуть не менее облачаются они в преступлении, станет, пожалуй, ясно каждому, кто рассмотрит каждый [пункт], и прежде всего – в отношении власти.

10. Ибо можно было бы говорить, что к архонтам должно относиться хозяйствование⁶⁰ имуществом тех, кто находится под их началом, – однако не частным, а общественным⁶¹. [95] Ведь каждый стоит во главе своего домовладения и пользуется имуществом, как желает, и даже если захочет разорить, расточить как попало и растратить впустую, он не обязан никому отчетом – ни вождям народа⁶², ни судьям, ни даже правящим⁶³ над всем василевсам. Ибо если те решат наказать за это, им воспрепятствуют в этом законы. Нет за это по законам никакой ответственности⁶⁴, и нельзя припомнить судью, который брал бы такое дело на рассмотрение, или обвинителя, который написал бы жалобу, что такой-то впустую растратил имущество, раздарил кому ни попадя, не получил никакой выгоды или, указав наследников, разделил имущество между самыми негодными, отобрав у мудрых и праведных. Ни за что из этого законодатели не карают, но велют всегда остерегаться лишь того, посредством чего может быть нанесен обоюдный вред. В отношении всех частных лиц они не только допустили самостоятельность⁶⁵, но и предписали, чтобы их распоряжения⁶⁶ были закреплены и соблюдались, и чтобы непреложны были дарения, покупки и завещания. И если владельцам⁶⁷ что-либо покажется угодным в отношении имущества, даже если от этого им и

⁵⁵ 1 Кор. 9:14. Смысл этого аргумента – в оправдании сборов на содержание архиереев, преемников апостолов. Ср.: Апост. Прав. 41.

⁵⁶ Речь идет о церковных начальниках.

⁵⁷ ἰδιωτῶν.

⁵⁸ τὸ συγκεχωρηκῆτι τῆς ἀρχῆς – букв. «уступленного начальству».

⁵⁹ См. ниже § 50.

⁶⁰ οἰκονομίαν.

⁶¹ οὐ τῶν ἰδιωτικῶν, ἀλλὰ τῶν κοινῶν.

⁶² τῶν δημαγωγῶν.

⁶³ ἄγουσι Α : ἄρχουσιν (начальствующим) Α²Р.

⁶⁴ εὐθύνη.

⁶⁵ αὐτονόμους ἀφῆκαν.

⁶⁶ τὰ παρ' αὐτῶν ἰψικημένα.

⁶⁷ τοῖς κекκτημένοις.

не будет никакой выгоды или последует ущерб, – это законно. Отсюда ясно, что те, кто отнимают у них это право⁶⁸ и переключают распоряжение⁶⁹ на самих себя, творят беззаконие.

11. «Но, – говорит он, – не самих хозяев⁷⁰ мы лишаем⁷¹ права: ведь они давно умерли».

Очень даже [лишаешь], не давая оставаться тому, что они сочли угодным в отношении своего имущества; в этом ты погрешаешь против тех и других, как тех, кто дал, так и тех, кто принял: одних лишая неприкосновенности⁷², которую законы предоставляют всем в отношении их частной собственности⁷³ – и живым, и мертвым; у других же отбирая приобретенное на твердых основаниях⁷⁴, без какого бы то ни было нарушения. Или ты считаешь, что приобрести таким образом им недостаточно для прочного владения⁷⁵? Почему же, когда тебе приходится судить, если кто-то предоставляет письменный документ⁷⁶, ты следуешь написанному там и присуждаешь быть хозяином⁷⁷ этого предмета – будь он куплен через покупку, или выменян через обмен, или же если получен даром в виде милости? Давай же, покажи, что их случай хуже, чем у других. Неужели ты считаешь, что раз дарение древнее, а получатели дара жили много лет назад, то оно менее прочно, чем более новые, и право, как живое существо, поддается времени и стареет? Если же тебе это смешно, и ты отнимаешь у тех, кого признаешь хозяевами⁷⁸, не имея никаких претензий, зачем тогда ты преследуешь вора? Ведь, как и тот, ты уличаешься в том, что берешь чужое. Или покажи, чем ты отличаешься. Но тебе нечего [предъявить].

12. «Но, – говорит он, – как можно называть владельцами⁷⁹ тех, кому самим нельзя ничего ни продавать, ни дарить: ни поле, ни дом, ни что-то иное, принадлежащее священным [обитателям]»?

Конечно, мы вовсе не настаиваем, [96] что их следует считать владельцами земель, домов и других имений⁸⁰. Но то, что распоряжения ктиторов⁸¹ назначают их хозяевами⁸² плодов и доходов, чтобы расходовать их на пользу как каждого из них, так и общую, – не нуждается в доказательствах. Поэтому следует, уважая законы и справедливость, соблюдать в этом их правомочность⁸³, не взимая с них ни денег, ни урожая земель⁸⁴.

⁶⁸ ἐξουσίαν.

⁶⁹ τὴν οἰκονομίαν.

⁷⁰ δεσπότης.

⁷¹ ἐκβάλλομεν Α : ἐκβάλλω (я лишаю) Α²Р.

⁷² ἀδείας.

⁷³ τῶν ἰδίων.

⁷⁴ βεβαίως.

⁷⁵ κτήσις.

⁷⁶ γραμματεῖον.

⁷⁷ κύριον εἶναι.

⁷⁸ κυρίους.

⁷⁹ δεσπότης.

⁸⁰ κτήσεων.

⁸¹ αἱ τῶν κτησαμένων ἐντολαί.

⁸² κυρίους.

⁸³ ἐξουσίαν.

⁸⁴ τῶν χωρίων φοράν.

13. «Но, – говорит он, – имуществом они управляют плохо и не по замыслу дарителей».

Стало быть, рассуди их. Возьми, прочти их уставы⁸⁵, допроси людей по всей строгости и, если найдешь их нарушившими устав, поступай, как подобает судьям. Но в чем же они [виноваты]? Они не наживаются ничем незаконным, ничего же большего не ищут, кроме возмещения потерпевшим отнятого у них. И ты, если бы обеспечивал уважение уставов завещателей, удовлетворил бы дело убеждением или силой, ничего не отбирая. Ведь что законного в том, чтобы брать, точнее – разве это не противно образу⁸⁶ судей, чьи руки должны быть чисты от взяток? И это я еще не сказал худшего: ведь ты обвиняешь самого себя и становишься сообщником обвиняемых в тех преступлениях, за которые ты их преследуешь, беря то, что брать тебе не предоставлено полноправными дарителями, и тем самым, так же, как и те, нарушая завещание. И похоже, что ты, запрещая им совершать такое зло, потворствуешь себе, не для того, чтобы из ненависти к непотребству⁸⁷ воздать дерзким, но оттого, что ты весьма охвачен желанием сохранить это дело только для себя самого. Как будто поступать незаконно нельзя никому другому, кроме вас!

14. «Нет, – говорят они, – ничего подобного! Ведь для них делать так означает поступать незаконно, а для нас – нет. Точно так же отчуждение чего-либо из священных [имуществ] теми, кто ими пользуются, наказуемо, а архонтам – позволено. Ведь и против тех завещателей они не погрешают, отчуждая имущество⁸⁸, а если они этого не делают, сделка не была бы действительна⁸⁹, и они должны отвечать по законам. Доказательство того и другого очевидно: на архонтах во всем лежит не та же ответственность, что и на частных лицах, и в том, что могло бы оказаться полезным для всех находящихся под их началом, они одни считаются распоряжающимися полновластно⁹⁰».

Но вам указано⁹¹ быть попечителями только в делах общественных⁹², а в частных – каждый [отвечает] за свое собственное. А это – [имущество] не общегражданское⁹³, но отдельных лиц и тех, кому они его предоставили. И раз уж ты, поскольку их судишь и заверяешь всякий документ, оформляющий завещание, [на этом основании] претендуешь на то, чтобы быть дольщиком их имущества – что же ты не обходишь все дома, не собираешь деньги и не налагаешь новые налоги? Ведь ты точно так же судишь всех и требуешь соблюдать установленные для каждого законы, и в гражданских взаимоотношениях⁹⁴ заверяешь договоры не всякие, но те, от которых не происходит никакой несправедливости и которые не возбраняет [97] закон. Так почему же вам позволено делать большее в отношении обитателей и священных [имуществ]?

⁸⁵ νόμους.

⁸⁶ σχήματι.

⁸⁷ τὴν πονηρίαν.

⁸⁸ ἐπιτροπέωντων ἐκείνων οὐχ ἁμαρτάνουσιν ἀλοκτώμενοι.

⁸⁹ οὔτε κύριον ἂν εἶη τὸ πεπραγμένον.

⁹⁰ δοκοῦσι χρῆσθαι μόνους εἶναι κυρίους.

⁹¹ δέδεικται.

⁹² τῶν κοινῶν.

⁹³ οὐ κοινὰ τῆς πόλεως.

⁹⁴ ταῖς πολιτικαῖς κοινωνίαις.

15. «Потому что, – говорит он, – о других мы велим только, чтобы они оберегались от несправедливости во взаимоотношениях; а у этих мы любым способом требуем пользы от того, чем они распоряжаются: что было бы [признаком] не судей, а владельцев⁹⁵».

Однако даже те владельцы, которые допускают, чтобы управляющие их именем причиняли убыток, вовсе не поступают противоправно. А тебе делать это за них не позволено. И даже если они в том, чем пользуются по праву, вредят своей собственности, ты не смеешь им воспрепятствовать. Итак, разве ты хозяин⁹⁶? Да что я говорю: посмотри в письменный договор⁹⁷. Кто здесь продающий? Кого указано считать владельцем проданного? Разве не говорится, что такие-то, владельцы, после того, как получили столько-то денег, уступили владение заплатившим? И ты выступаешь у них свидетелем этого в тех сделках, которые заверяешь. Ведь ты не говоришь, что хозяин и продавец – ты сам, но что это они продали свой дом или землю надлежащим образом и в соответствии с требованием законов, и покупка должна иметь силу. Ты пишешь это – и не вправе опровергать или не учитывать самого себя и свои собственные решения, как будто бы не ты принимал их. Так что, когда ты рассуждаешь относительно пользы для них и распоряжаешься, чтобы они обереглись от ущерба, ты действуешь как некий опекун или судья, а не как владелец; и для тех это ничуть не препятствует быть владельцами.

16. «Так почему же, – говорит он, – раз уж они делают свои дела, они делают это не сами по себе, но требуется прилагать решение архонтов?».

Потому что у этих имуществ имеются и другие совладельцы⁹⁸, которые впоследствии появятся у этих же самых вещей. Ведь дарители отдают не только им, но и их преемникам на все времена, которые будут жить в тех же домах и будут являть тот же образ жизни. Из-за этого необходим надзор архонтов, которые заботятся о законах и правах, чтобы те, совершая сделку, не причинили несправедливости совладельцам, нанеся ущерб общине в отношении доходности⁹⁹. Ведь если кто-нибудь из них решит навредить самому себе, архонт не может помешать; но когда ущерб распространяется и на других, это уже дело несправедливое, и судья обязан наказать совершающего беззаконие. Поэтому, тратя урожай на что угодно, они охраняют поля, как будто они не только их, но и сберегаются для потомков, и, взыскивая плату с арендаторов¹⁰⁰ их домов, они не разрушают их и не позволяют рухнуть, не продают и не обменивают; а если что-то из этого случается по необходимости, нужно, чтобы вы, ведающие общественными делами¹⁰¹, призвали свидетелей и всесторонне доказали, что они, когда хозяйствуют¹⁰² таким образом, не обижают дольщиков и не увеличивают свое имущество, ущемляя общественное ради их собственного. И законы велят это, предусматривая, чтобы (в сделках)¹⁰³

⁹⁵ δεσποτῶν.

⁹⁶ κύριος.

⁹⁷ τὸ γραμματεῖον.

⁹⁸ τῶν κτήσεων τούτων καὶ ἄλλους ἴσχουσι κοινωνούς.

⁹⁹ τὴν συνοικίαν περὶ τὰς εὐπορίας βλάψαντες. О термине συνοικία см. примеч. 27.

¹⁰⁰ μισθωσαμένων.

¹⁰¹ τὰ κοινὰ πολιτευομένους.

¹⁰² οἰκονομοῦσιν.

¹⁰³ τοῖς πράγμασιν Α²Ρ: – Α.

присутствующие не нарушали прав отсутствующих: ведь последних ничто не мешает обидеть, и отвратить ущерб [98] они не в состоянии. Ибо если на обидчика есть возможность подать в суд или направить жалобы, самим судьям достаточно и небольших забот: если кто-то кажется поступающим несправедливо, они защищают желающих возбудить дело¹⁰⁴, но свыкающихся [с несправедливостью] не допекают. Однако если кто-то не может присутствовать или даже узнать о своих обидчиках, таковым они всячески помогают во всем необходимом: так они поступают с детьми, у которых родителей уже нет в живых или те, умерев, не оставили опекунов. Ибо им, из-за возраста еще не набравшимся разума, они заменяют всех: одним не разрешают совершать то, что им было бы невыгодно; за других, если причиняется урон их имуществу, они препятствуют этому со всем старанием и возбуждают дела, даже если те сами не жалуются и не беспокоятся. Они сами ведут переговоры с желающими купить что-то из их имущества, и если некто утаит что-то из него, либо взяв даром, либо купив без разрешения архонта, судей или опекунов, которым они поручили имущество малолетних, законы гласят, что он неправомочен¹⁰⁵ в том, что приобрел, и вдобавок теряет даже то, что ему случилось издержать ради приобретения. И если у них есть дольщики прибылей или совладельцы по какому бы то ни было имуществу и им нужно что-то из него обменять, либо перестроить¹⁰⁶, либо продать, они идут к архонтам, судьям или попечителям и ждут от них решения, так как сами не могут распоряжаться этим имуществом. И хотя они являются хозяевами имущества ничуть не в меньшей степени, чем малолетние, но чтобы они незаметно не причинили несправедливости тем, кто еще не может самостоятельно защитить себя, закон призывает их к ответу, как неправомочных. Так же они поступают и с теми, о которых здесь идет речь. Таким образом, они обращаются к вам не как слуги к господам¹⁰⁷, спрашивая, что следует делать с вашей собственностью, но как к судьям, чтобы не совершить ненароком беззакония. Однако это не делает судей владельцами собственности, о которой они ведут разбирательство; не делает это собственником и тебя. Итак, если ты приобрел это не на свои средства, не по распоряжению собственников или их представителей, и брать это не позволяет ни закон, ни положение у власти¹⁰⁸ – разве не незаконно отбираешь ты это?

17. «Но, – говорит он, – я хорошо распоряжаюсь взятым, так, чтобы им самим была польза».

Пусть так. Но какое это имеет отношение к делу? Ведь если бы ты отвечал на обвинение в неподобающем распоряжении, уместно мог бы выдвинуть эти аргументы. Сейчас же ты обвиняешься в преступном хищении и судишься за незаконное приобретение. Так разве соответствует это твое оправдание такому обвинению? Ведь это два совершенно разных [вопроса]: одно дело – приобретать, другое дело – пользоваться; равным образом отсюда два обвинения, и оправдание нужно обдумывать двоякое. Ты же сближаешь

---

¹⁰⁴ δίκας εἰσπράξασθαι.

¹⁰⁵ ἄκυρος.

¹⁰⁶ μετασκευάζειν.

¹⁰⁷ οἰκέται δεσπόταις.

¹⁰⁸ τὸ τῆς ἀρχῆς πρᾶγμα.

одно с другим, как если бы некто, обвиняемый в убийстве, не позаботился бы сказать, что руки его не запятнаны, но рассуждал бы о благоразумии и думал бы, что рассеет обвинение, доказав, что достиг насколько возможно высокой степени добродетели. Ведь и это (было бы)¹⁰⁹ двумя совершенно разными [вопросами], и для них не достаточно одного и того же оправдания. Заметь: ведь при снятии одного ничто не мешает оставаться второму. Допустим, некто, украв деньги, церковные или частные, снарядил бы на них пиратов или разбойников¹¹⁰. [99] Разве не должен он отвечать перед обоими – и теми, кого обокрал, и теми, на кого, потратив, напал? Что, если обворованные избавили бы его от иска, разве что-то помешает вчинить его тем, кто подвергся вооруженному нападению? Кто сказал бы так? Итак, разве это одно обвинение, для которого достаточно и одного оправдания?

18. Если же брать и пользоваться – одно и то же (дело)¹¹¹, и поэтому они полагают, что точно так же для того и другого вместе довольно одного оправдания, значит, допускают они и обратное. И как незаконно берущие [оправдываются] пользованием во благо, точно так же и для тех, кто употребил свое [имущество] во зло, оправданием была бы законность приобретения. И тот, кто использовал свое имущество против ни в чем не повинного, если смог бы доказать только, что владеет им, не ограбив и не украв деньги, но на законных основаниях, не был бы ни в чем виноват перед этими судьями. И человекоубийцу они освободят от всякого обвинения, если он докажет, что кинжал, которым он совершил убийство, достался ему от отца, и он получил его в собственность (никого не обидев)¹¹². Таким образом, с необходимостью придется допустить некий нелепейший и невиданный способ правосудия, вытекающий из их приговоров. Но не позволяет этого никакой закон, ни природа, и даже из негодных людей никто не осмелился прибегнуть к таким аргументам; но если кого-то уличали в незаконном пользовании собственностью, он ничего не говорил о [ее] приобретении, как и тот, кто обвинялся в способе получения, не ссылаясь на трату, но не имеющий никакого уважительного оправдания на выдвинутое обвинение молча привлекается к ответственности по законам.

19. Итак, зачем же вы приводите в качестве какого-то благовидного и уважительного предлога то, чему никого (природа) не научила¹¹³, чего не допускают ни закон, ни судья и не осмеливался сказать даже негодный человек? Ты взял что-то у ни в чем не повинного, либо отобрав, либо обменяв на то, что следовало бы предоставить даром? Значит, совершил беззаконие. Ты использовал во благо? Для него это ничего [не значит], покуда ты отнюдь не докажешь, что он погрешил хоть в чем-то, достойном взыскания. Ведь никто не стал бы обвинять тебя в несправедливости к вещам, но несправедливости подвергаются люди. И (действительно)¹¹⁴, если бы ты забрал у них раба и коня, ты, хорошо содержа и кормя их, не поступишь беззаконно с последними, но с теми, у кого взял, – очень даже [поступишь]. И когда в ответ на их

¹⁰⁹ γένοιτ' ἄν A: – P.

¹¹⁰ Издатель предполагает здесь лакуну, для чего, однако, нет веских оснований.

¹¹¹ πρᾶγμα ἓν A: ἓν P.

¹¹² ὡς οὐδένα ἀδικήσας A: ὡς οὐδὲν ἀδικήσας (ничем не нарушив право) A²P.

¹¹³ ἢ φύσις ἐδίδαξεν A: ἐδίδαξεν οὐδεὶς (никто не научил) A²P.

¹¹⁴ καὶ γὰρ καὶ A: καὶ P.

обвинения ты сошлешься на [умелое] распоряжение¹¹⁵, ты сам себе вынесешь не лучший приговор и навлечешь насмешки со стороны здравомыслящих судей. Ведь что мешает налагать руку не только на рабов и коней, но и на самое ценное, что у них есть, и отбирать жен и детей, чтобы лучше их воспитывать и использовать, да и весь дом, одежду и саму свободу, чтобы мудрее и целесообразнее распорядиться ими, чем они сами – собой? Но все это нелепо и не что иное, как смех и вздор.

20. Итак, хорошее пользование никак не служит оправданием для того, чтобы взять, но следует доказать, что само это взятие происходит по праву и по закону: и если это не доказано, следует признать беззаконие. Ведь посмотри на всех преступных и грязных людей – подкапывателей стен, гробокопателей, воров, – которых законы присуждают к тысячам бед: их обвиняют лишь в том, что они берут что-либо не по праву и [100] противозаконно, и не спрашивают о тратах, израсходовали ли они деньги потерпевших на должное, поскольку из этого для них не следует никакого оправдания. Но если то, на что ты ссылаешься, возымеет силу, то не [будет] позорным ни одно из этих названий, означая лишь дурной способ присвоения, ни одно не будет предметом закона, определяющего для них меру несения наказания¹¹⁶; судьи же не станут требовать кары за это непотребство, но со строгом пристрастием будут исследовать хозяйственную деятельность¹¹⁷ – чего не велит никакой закон, – и если никто не признает, что она порочна, их увенчают лаврами... Вообще же, если они станут тратить хорошо и благопристойно, у них не будет недостатка в убедительных аргументах: они, (пожалуй)¹¹⁸, предьявят и бедняка, которому предоставили одежду и хлеб, и украшенные храмы, и священников, получивших плату за молитвы и жертвы, и светильники, зажженные ими в святилищах, – а также, думаю, и взносы на общественные нужды¹¹⁹, починку стен и тому подобное. Что отвратительнее гробокопателей? Но и у них вследствие этого изобилие оправданий. «Ведь, – скажут они, – какую несправедливость причиняем мы тем, кому уже ничто не может повредить?» Одежду, лежащую без присмотра, следовало бы уступить тем, кто ей может пользоваться. И святотатец скажет то же самое: «Разве следует оставлять золото Тому, Кто ни в чем не нуждается, пренебрегая голодающими людьми? Итак, расследуй, и если уличишь роскошествующим за счет этого, подвергай высшей мере наказания. Если же я заботился о хлебе и самом необходимом для себя и детей, без чего пришлось бы умереть, что страшного совершил я, если, не ущемив ничьих прав, сохранил для государства¹²⁰ целое семейство?» И так будет говорить и разглагольствовать¹²¹ всякий негодяй. Но это не поможет им избежать наказания за то, на что они посягнули; и архонтам говорить такое в оправдание весьма постыдно: это не только не снимает с них обвинений, но и добавляет крайнее осуждение, раз они не стесняются говорить такое, на что не осмелился ни один негодяй.

¹¹⁵ οἰκονομίαν.

¹¹⁶ νόμου δὲ οὐδὲν ἔργον, μέχρι τοῦ λαμβάνειν τὰς δίκας ὀρίζοντος αὐτοῖς. Темное место.

¹¹⁷ τὴν οἰκονομίαν; вариант перевода: «экономический эффект».

¹¹⁸ οἶμαι Α: – Ρ.

¹¹⁹ ἐν τῷ κοινῷ.

¹²⁰ τῇ πόλει.

¹²¹ παρρησιάζεται.

21. Но некоторым этот предлог кажется настолько благовидным, и так сильно были восхищены они этим оправданием, что, попирая законы (и не только гражданские, но и сами священные), они научились и поднаторели¹²² говорить это, насмежаются над обвинителями, если кто-то, напоминая о Боге и законах, велит их чтить и не преступать. Оправдание же их не только ничтожно в отношении обвинений, но и лживо. Ведь они, утверждая, что хорошо и должным образом используют то, что взяли дурно, не говорят правду, но, приобретая, погрешают они против права и закона, а применяя – против пользы, и не потому, что не желают должного, но, сказал бы я, потому, что и не могли бы [достичь его] таким способом, хотя бы и очень хотели.

«Значит ты не считаешь, – скажет он, – что случается польза, даже когда кто-то приносит выгоду самому обществу¹²³, ради которого устраиваются¹²⁴ и законы, и наказания, и суды, и все? Ведь, позволь, даже если никто не унесет эти деньги домой и не потратит на свою надобность ничего из того, что бы ни взял из священных или принадлежащих обителям [имуществ], [101] ты, видя отстроенную на это стену, и бегущих врагов, и воздвигнутый трофей, и народ¹²⁵, наслаждающийся глубоким миром¹²⁶, все равно будешь браниться и обвинять за это?».

«Даже если бы ты и смог достичь этого (за счет беззакония)¹²⁷, ты не получил бы пользы, так как ущерб у тебя намного больше выгоды. Ведь ты теряешь самое великое, что у тебя есть: самого себя. Поэтому на стены, победы и тому подобное никто не стал бы жаловаться, но на то, что ты из-за них сотворил над собой – даже очень. Ведь за то, что ты, растратив это, отстроил город¹²⁸, ты заплатишься так же, как нарушитель обоих законов, как установленного в отношении священного, так и частного¹²⁹. Ибо когда ты привлекаешь имущество обителей и иных священных [учреждений] на общественные нужды, ты погрешаешь против того и другого, а это будет и святотатством, и одновременно беззаконием. Ведь ты одно и то же отнимаешь у Бога и отбираешь у людей, так как оно принесено Ему и является их)¹³⁰. Выходит, (даже)¹³¹ принеся пользу обществу таким образом, ты вместе с тем самого себя обречешь геенне. Ведь не поможет тебе против обвинений предъявление многих, кто выиграл от этих прегрешений, но то, благодаря чему ты прослыл бы радетелем общественного блага и народа¹³², за то же самое [тебя назовут] насильником, святотатцем и беззаконником.

22. Ибо имя дают дела. Сведущего в геометрии разве назовут иначе, чем геометром? И о том, кто умеет строить, мы скажем: строитель, и никак иначе.

¹²² μεμελετήκασι.

¹²³ τὸ κοινόν.

¹²⁴ σπουδάζεταιται.

¹²⁵ ἔθνος.

¹²⁶ μυρίας γαλίνης.

¹²⁷ ἀπὸ τοῦ παρανομεῖν A: – A²P.

¹²⁸ τὴν πόλιν ἀνέστησας.

¹²⁹ τὸν τε περὶ τῶν ἱερῶν κείμενον καὶ τὸν ἰδιωτικόν.

¹³⁰ A²P: На стены, победы и тому подобное – ничуть (если, конечно ты сможешь для этого использовать отнятое); но на то, что ты сотворил над собой – даже очень. Ведь за то что ты растратил, отстроил город, ты заплатишься так же, как нарушитель закона A.

¹³¹ καὶ A: – A²P.

¹³² κοινωφελῆς καὶ δημοτικός.

Ведь если из дурных дел и вышло нечто доброе, от того, что кто-то воспользовался ими, город ли, или отдельные лица, дурное не лучше. Не считай (какое-то)¹³³ дурное дело менее дурным, если оно стало причиной чего-то хорошего, но если нечто такое и случается, припиши это промыслу Бога, способного по избытку благодати и дурные дела использовать во благо. А зло ничто иное есть, как зло, как гласит трагедия¹³⁴, и все это ничуть не мешает дерзким получить достойные кары. Ведь наши решения делают лучшими или худшими сами дела, а не то, что выходит из дел: ибо над первыми мы хозяева, а над последними – нет. Поступить справедливо или наоборот – наш [выбор], а закончится дело желанной целью или пойдет во вред, это уже было бы в руке Божией. И потому сказано: *Ты воздаешь каждому по делам его*¹³⁵.

Кто не знает, что лихоимство бывает, по воле Божией, причиной еще больших благ для обиженных, чем те, которых они лишились? Но из-за этого не уменьшается наказание для обидчиков. А избытком скольких благ оказались для нас беззаконные казни мучеников? Но мы не будем благодарны их убийцам. Бывает что и от беззаконных браков рождаются добрые чада, но законы карают нарушителей, как будто ничего такого не происходило. А убийство Саула разве не [102] прекратило тысячи беззаконных убийств и гражданские войны и не устроило дела евреев, когда вместо сквернейшего царя пришел к власти лучший, Давид, давший голос¹³⁶ священникам, силу законам Божиим, государству¹³⁷ благозаконие и всему народу – процветание? Но разве такое обилие и величие благ смогло избавить того, кто его совершил? Вовсе нет: для судей, расследовавших это убийство, он был таким же человекоубийцей и негодяем и умер, осужденный за двойную вину – за само убийство и за то, что получивший удар был царем. Итак, не суди о деяниях по их последствиям и не считай, что избежишь наказания за то, что, преступив закон, смог многим принести пользу; но в то время как они испытали благо, ты сам погиб и, избавив их от бед, вверг себя в геенну. Итак, разве не нелепо и не смехотворно проявить о других попечение и заботу, а по отношению к самому себе – (и к Богу)¹³⁸ – быть каким-то беззаконником, неразумным, нечестивым и негодным?

23. Впрочем, они даже не смогли бы доказать, что приносят хоть какую-то пользу своим городам, но напрасно они губят себя и самовольно преступают закон. Ведь, как я сказал ранее, хотя, с одной стороны, никто не возразит, что следует верить, что их лихоимства и беззакония, точно так же, как убийства, кражи и иные непотребства других, Бог обращает в нечто благое одному Ему ведомым способом; но, с другой стороны, чтобы этим они смогли устроить городам желанную пользу, выгоду и благоденствие, – [это из области] невозможного. Ведь неправдоподобно, чтобы хорошо руководили государством¹³⁹ те, кто плохо распорядились собственным [имуществом]; ибо сказано: *нехорошо управляющий домом своим, как будет стоять во главе Церкви*

¹³³ τι Α: τὸ Ρ.

¹³⁴ τὸ δὲ κακὸν μὴδὲν εἶναι πλὴν κακόν; ср.: *Эврипид*. Гекуба, 596 (ὁ μὲν πονηρὸς οὐδὲν ἄλλο πλὴν κακός).

¹³⁵ Пс. 61:13.

¹³⁶ παρρησίαν, букв. «свобода высказываться» (политический термин).

¹³⁷ πόλει.

¹³⁸ – Α: καὶ τὸν θεὸν Ρ.

¹³⁹ πόλεως προϊστάται.

Божией?¹⁴⁰, и надо верить, что Писание говорит истину; и *праведность возвышает* народы¹⁴¹, а неправда, – совсем наоборот, обращает из великих в ничтожные.

Но я думаю, что они обманывают себя, полагая, что сразу принесли пользу, потому что приобретают оружие, строят стены и содержат стратиотов, – как это бывает со всеми скверными [людьми]. Ведь никто не решился бы заняться скверным делом, которое ничуть не приятно для тех, кто им занимается, и причиняет множество бед, если бы не полагал, что за этим последует какая-то выгода, которая приводит к тому, что дерзкие забывают о возникающих невзгодах. И как у разбойников, подрывателей стен (и воров)¹⁴² – выгода, у тиранов – роскошь, гордость, власть и вседозволенность, так и у государственных людей¹⁴³, совершенно естественно, из беззакония следует нечто, кажущееся приносящим пользу обществу. И наоборот, у врачей, законодателей, кормчих и советников¹⁴⁴ непосредственно за их делами, на первый взгляд, следует вред. Ведь и врач уменьшает телесную силу, лишая пищи или давая лекарство с тем, чтобы придать [силу] более чистую; и [103] кормчий, (чтобы спастись)¹⁴⁵, причиняет ущерб мореплавателям, выбрасывая грузы; и советник сносит стену города, который собирается отстроить заново; и законодатель, обнажив меч, уменьшает численность народа, для преумножения которого он написал законы. Но их следует называть не какими-то губителями из-за этого урона, но спасителями; а того, кто добивается нужного для общества и государства¹⁴⁶ беззаконием, мы не станем считать народолюбом и честным¹⁴⁷. Ведь если о полезности занятий и ремесел¹⁴⁸ или об умении людей верно судить о выгоде мы будем смотреть и судить по их прибылям, то ничто, пожалуй, не помешает допустить нелепейшее из всего: изготовителя ядов¹⁴⁹, чародея¹⁵⁰, доносчика (и мима)¹⁵¹ удостоить того же места, что и земледельцев, ремесленников и представителей честных профессий¹⁵², раз уж и первые могут извлекать ту же прибыль и кормить жен и детей, и у них от их позорных дел появляются и одежда, и хлеб, и жилище, и конь, и слуга, ничем не хуже тех, что [приобретают] последние благодаря своим ремеслам¹⁵³.

24. Но как об этих мерзавцах из-за того, что они, губя себя, в достатке имеют необходимое для жизни, никто не сказал бы, что они нашли добрую выгоду для себя и своих семейств, так и об архонте мы не станем судить на основании кораблей, моряков и пехотинцев, что принятые им решения были хороши и

¹⁴⁰ Парафраз 1 Тим. 3:4–5.

¹⁴¹ Ср.: Пс. 144:6–7 («τὴν μεγάλωσύνην σου διηγῆσονται... καὶ τῇ δικαιοσύνῃ σου ἀγαλλιάσονται»; в рус. синодальном переводе несколько иной смысл).

¹⁴² λαλοῦτότοις (букв. «похитители одежды») А: – Р.

¹⁴³ τοῖς ἐπὶ τῶν πραγμάτων.

¹⁴⁴ βουλευταῖς.

¹⁴⁵ чтобы спастись А: – Р.

¹⁴⁶ τῷ κοινῷ καὶ τῇ πόλει.

¹⁴⁷ δημοτικὸν καὶ χρηστὸν.

¹⁴⁸ τῶν πράξεων ἢ τῶν τεχνῶν.

¹⁴⁹ φαρμακόν.

¹⁵⁰ ἐπαιδόν.

¹⁵¹ καὶ μίμον А: – Р.

¹⁵² τῶν σεμνῶν ἐπιτηδευμάτων.

¹⁵³ τεχνῶν.

подобаящи. Но если он добился этого, сохраняя для самого себя благоволение подчиненных, для города благозаконие, для законов уважение, и то же – для всего священного, тогда он был бы разумным, рассудительным и искусным в политике¹⁵⁴; если же, преступив законы и проявив непочтительность к порядку, предав свободу своих подчиненных и посрамив самого себя, ненавидимый теми, кем должен бы быть любим, он приобрел корабль, оружие и стратиотов и обладает всем этим, расточив и опустошив то, за что он должен был бы сражаться на море и на суше и терпеть иные тяготы, и такую сделку¹⁵⁵ считает выгодной – разве таковой не совершает безрассудство? И разве не ясно, что он не имеет никакого понятия не только об общественных нуждах¹⁵⁶, но и о самом себе, и о том, каков же, в конце концов, у него образ начальства¹⁵⁷? Ведь нельзя же считать все это – деньги, триеры и войска – делом архонтов, о котором им надлежит заботиться превыше всего прочего. Чем тогда они будут отличаться от тиранов, для которых нет ничего важнее вооружения, которые законы, права, священное и все вообще приносят в жертву, чтобы усилиться оружием? Но честные архонты¹⁵⁸, которые не ложно носят это звание, напротив, о самой силе пекутся затем, чтобы охранять законы и приличествующую человеку свободу для тех, кто состоит под их началом¹⁵⁹.

25. И в этом тирания хуже лучшего образа правления¹⁶⁰. Ведь вторые чтут оружие ради того, чтобы не были попорчены законы и притеснена свобода, а первые вооружаются за счет беззакония и порабощения подчиненных. Для первых и речи нет о том, чтобы хорошо поступать с подданными¹⁶¹, но свои дела они возшат в заботах о себе и пользуются ими и всем их имуществом для собственной безопасности и удовольствий; вторые же напрягают свои силы, чтобы хорошо поступать с теми, над кем начальствуют, и [104] они терпят невзгоды и тяготы, чтобы принести пользу, ради этого дерзая на все, но зная, что право и законы – величайшее над ними. Первые, недовольные сильным прямодушием законодателей¹⁶², пренебрегают ими. Вторые проявляют о них вяжескую заботу, потому что власти нельзя держаться, а подвластным – спасаться иначе, чем поступая таким образом. Ибо, во-первых, в этом случае они могли бы поистине быть теми, кем являются, и не скатываться до скотской жизни, но оставаться людьми, хорошо используя первенство разума и независимость суждения¹⁶³, которые и делают [человека] человеком. Ведь из тех, кто живут таким образом, никто не обидел ближнего и не дерзнул, рабствуя беззаконной страсти, на какое-то иное дурное дело, запрещенное законами, – что и означает жить по разуму¹⁶⁴; и никто не подвергся обиде и не испытал никакого насилия – что и означает быть свободным.

¹⁵⁴ τὰ πολιτικὰ ἐχνίτης.

¹⁵⁵ συνάλλαγμα.

¹⁵⁶ τῶν κοινῆ δειντῶν.

¹⁵⁷ τὸ τῆς ἀρχῆς σχῆμα.

¹⁵⁸ οἱ χρηστοὶ τῶν ἀρχόντων.

¹⁵⁹ τὴν ἀνθρώπῳ πρέπουσαν τοῖς ἀρχομένοις ἐλευθερίαν.

¹⁶⁰ τῆς ἀρίστης πολιτείας.

¹⁶¹ τῶν ὑπηκόων.

¹⁶² πολλὴν εὐήθειαν τῶν θέντων καταγόντες.

¹⁶³ λόγου προεδρία καὶ γνώμης αὐτονομία χρωμένους καλῶς.

¹⁶⁴ ζῆν κατὰ λόγον.

26. Кроме того, как вообще выдержало бы государство ту власть¹⁶⁵, при которой нельзя жить свободно, от которой для людей нет ничего справедливого¹⁶⁶ и подобающего чести¹⁶⁷ – говорить ли о золоте или о плетрах земли, или о высших почестях? Ведь захватившему такую власть придется либо всех держать в заключении, либо осаждать подвластных¹⁶⁸, словно противников, либо же, чуть расслабившись, внезапно потерять всю власть, когда все начнут сбрасывать с себя рабство¹⁶⁹. Если же они и останутся удерживаемыми [в покорности], чем они оказались бы полезны им, или самим себе, или государству¹⁷⁰? Ведь если никто не будет хозяином своего [имущества], но будет позволено архонтам пользоваться, чем бы они ни захотели, лишь только они упомянут о государстве¹⁷¹, сразу же должны будут все опасаться и дрожать за свое [имущество]. И кто будет трудиться, чтобы приобрести золото, какой ремесленник, какой земледелец, какой купец, зная, что все зарабатывает для других? И разве, проводя жизнь в нищете, будет кто-то упражняться в мудрости или тренироваться в тактике, или познавать законы и изучать правила стратегии? Откуда возьмутся государственные¹⁷² доходы, если повсюду будет господствовать бедность (и ты, жалкий, будешь так несчастно править)¹⁷³? Поэтому делом разумных архонтов было признано оберегать, вслед за справедливостью, свободу подвластных; и о том, чтобы в городах ничто не препятствовало ей, ни изнутри и от них самих, ни от внешних беспокойств, они заботились во всякую пору – и во время войны, и во время мира¹⁷⁴, и против врагов изобрели стены и оружие, а против своих – судей и законы. Итак, разве не нелепо и не глупо, что те, кто должны вооружаться и обеспечивать прочее, чтобы не было никакого беззакония и насилия, вооружаются за счет беззакония и насилия над подвластными?

27. Помимо всего прочего, в этих делах следует допустить, что кое-что может и Бог, и не все зависит от нашей мудрости, но кое-что происходит с городами¹⁷⁵ и по Его промыслу: например, прочно стоят и благополучны те, к которым Он благорасположен, а гибнут те, которые Ему ненавистны. И если ты в это веришь, почему же, совершая несправедливости и святотатства, считаешь, что полезен городам? Разве только ты решил, что действуешь сообща с божественным промыслом и, как говорит пророк, *возмнил беззаконие*¹⁷⁶?

(Ты слышал об Анании, который воспользовался частью священного [имущества]¹⁷⁷, о Хармии¹⁷⁸, об Илии и о его сыновьях)

¹⁶⁵ πῶς καὶ συσταίῃ πολιτεία τὴν ἀρχήν. Здесь *полιτεία* означает скорее «гражданское общество», чем «государство» в современном смысле.

¹⁶⁶ ἴσον.

¹⁶⁷ ὁμότιμον.

¹⁶⁸ τοὺς ὑπὸ χεῖρα.

¹⁶⁹ πάντων τὴν δουλείαν ἐντρεπομένων.

¹⁷⁰ τῷ κοινῷ.

¹⁷¹ τοῦ κοινοῦ.

¹⁷² κοιναί.

¹⁷³ καὶ οὕτω δυστυχῶν ἀθλιότατος ἄρξεις Α: – Ρ.

¹⁷⁴ ἀμφοτέρων ἐφρόντισαν τῶν καιρῶν, τοῦ πολέμου καὶ τῆς εἰρήνης.

¹⁷⁵ ταῖς πόλεσι.

¹⁷⁶ Пс. 49:21: *ὑπέλαβες ἀνομίαν ὅτι ἔσομαι σοι ὁμοιος* (синодальный перевод: *ты подумал, что Я такой же, как ты*).

¹⁷⁷ См.: Деян. 5:1–5: Анания и его жена, продав имение, отдали апостолам не всю сумму и полатились за это жизнью.

¹⁷⁸ Ср.: Ис. Нав. 7:1–26 (Ахан, сын Хармия, взял из заклитого, навлек на Израиль гнев Господень и был побит камнями).

ях¹⁷⁹. Неужели все это миф? Или [105] Господь решения ныне не Тот же, Кто тогда осудил их за священное? Или Он раскаялся в том, что погубил тех мужей? Или их Он осудил на смерть, а тебя, виновного в том же, похвалит и одобрит? Такого никто не скажет, если только не сошел с ума. Когда же я вспоминаю о Спасителе, что Он, иные прегрешения устраняя словами, тех, кто творил беззаконие в храме, не увещевал и не обличал только, но в гневе приступил к ним и, избив бичом, выгнал из священного места, я утверждаю, что из этого следует верить, что для святотатцев полагается некое несслыханное наказание, такое, как ни для кого из негодяев. На это же хотел Он указать, говоря о [сыне] Хармия: *согрешил народ грехом великим*¹⁸⁰, называя так святотатство.

28. Итак, разве может ненавистный Богу извлечь какую-то пользу из тех самых вещей, которые навлекают на него ненависть и вражду, либо из-за личных [дел], либо из-за общественных¹⁸¹? Кто сказал бы это? Лихоимцы же обязательно попадут в беду не только в будущем, но и в настоящем, ради которого они дерзнули на беззаконие. Тщетными называет Христос их старания, ибо говорит: *Смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени*¹⁸². Ошибиться в этом нельзя: не зря же это сказано, и не лгут прорицания Истины. Но по всей необходимости ни один лихоимец и дурной человек через беззаконие и лихоимство не обретет лучшей жизни, ни этой нынешней, ни более долгой, не только частное лицо, но и архонт, и не только никакой человек, но ни целый дом, ни город, ни весь народ. Ибо сказал Он: *Небо и земля прейдут, а слова Мои не прейдут*¹⁸³.¹⁸⁴

Следовательно, не всякий стратиот, не всякий корабль и не всякое оружие полезны для городов, но те, которые [снаряжены] на законные средства, из-за которых никто не жаловался на приобретших, не проклинал, призывая Бога в свидетели, и не призывал на них справедливое возмездие. А если они приобретены дурным образом, им предшествовало беззаконие, и святотатство, (и несправедливость)¹⁸⁵, и слезы ни в чем не повинных людей, – кто настолько безрассуден и невежествен в божественном и человеческом, чтобы считать использование их целесообразным или не слишком пагубным?

29. Итак, не принося никакой пользы обществу, губя самого себя тем, что стал порочным, попирая законы Божии, – которые Он ввел с таким усердием, во всех отношениях упрочил и утвердил, и не только во время пребывания с людьми, но и прежде сошествия на землю, – ты так и не понял, на какое дело дерзнул? Не видишь, что твое, [106] а что – Того, против Кого ты устанавливаешь законы? И если бы ты увидел Его представшим на твой суд, как тогда перед Пилатом, словно обвиняемого, выдержал ли бы ты это зрелище? Разве ты не повергся бы ниц, разве не захотел бы провалиться сквозь землю? Что же тогда дерзаешь на такое же? Ибо ты ведешь Его на суд, и ссылаешься

¹⁷⁹ Ср.: 1 Цар. 2–4 (священник Илий через своих сыновей незаконно забирает часть жертвенного мяса, за что весь род его был проклят и истреблен Богом).

¹⁸⁰ ἡμαρτεν ὁ λαὸς ἀμαρτίαν μεγάλην. Ср.: Ис. Нав. 7:11 (ἡμάρτηκεν ὁ λαός).

¹⁸¹ ἢ τῶν ἰδίων ἔνεκα ἢ τῆς πολιτείας.

¹⁸² Лк. 12:15.

¹⁸³ Мф. 24:35.

¹⁸⁴ Текст в угловых скобках добавлен на полях второй рукой (A²) и включен в Р.

¹⁸⁵ καὶ ἀδικία Α: – Р.

на законы, и судишь Его, как говорится, по делу *об учениках Его и об учении Его*¹⁸⁶, точно так же, как и (те)¹⁸⁷; и объявляешь виновным в том же, что и тот выдвигал попусту, и приводишь в обоснование свои мнимые аргументы. И при этом никто не призывает небо в свидетели, не ожидает тут же ни молний, ни ангела, который обрушится на презирающих, как тогда на Ирода¹⁸⁸. Но твои дерзости много хуже, чем последнего. Ведь он забыл о Боге, ты же – дерзновенно помнишь; и он *не воздал славы*, ты же – обесчестил, (и думаешь, что не совершил ничего страшного)¹⁸⁹. Тот, хотя и не возмущился должным образом против восклицаний народа, не воспрепятствовал, не сказал, сколь велика разница между ним и Богом, но воссел, принимая решение, как будто это вполне подобало: но поскольку он, во всяком случае, считал для себя почетным и лестным, что его голос считали *голосом Бога, а не человека*, он предпочитал Божие человеческому и [хотя бы] в такой мере почитал Бога. Ты же через то, что, отвергнув законы Божии, утверждаешь свои собственные, ясно оказываешься считающим голос человека более важным, чем глас Бога, и полагаешь, что в этом нет греха, раз ты тотчас не подвергся наказанию, и нет хватающего, и не видишь тело снедью червей – не осознавая, что есть и иной род червей, отложенный для беззаконников, избежавших их здесь.

30. Ты же, хотя и не столкнулся ни с чем страшным за совершенные дерзновения, должен бы считать эту дерзость страшнее всякой геенны, мрака и крайних бедствий. Ибо посмотри, какая одержимость в том, чтобы человеку так возвеличиваться, надмеваться и не осознавать общую природу, что, поскольку он слышет у соплеменников архонтом, то в вопросах справедливости¹⁹⁰ и человеческой власти ему можно перечить Богу, а точнее – открыто восставать и отвергать в делах то, что касается Его¹⁹¹. И не обвиняй эти слова в преувеличении: ведь нарушать законы то же, что и отстранять от власти установившего эти законы. Чтобы ты убедился, пусть кто-нибудь прибудет в город, которым ты руководишь, и пусть в ином отношении будет чтить и уважать тебя и выказывать всяческое благоговение, но при этом разрешит гражданам не обращать внимания ни на одно твое приказание и никак не приводить к исполнению, и тем, кому ты сам поручил дела города, не даст выполнять [твоих] решений, но будет настраивать народ внимать тем, кого он сам ставит, и тому, что он считает [нужным]. Сказал бы ты, что от твоей власти что-нибудь осталось? Пожалуй, ты вовсе не считал бы так, поскольку город больше не послушен. Значит, и ты, делая то же самое, лишаешь Бога власти. Ибо, с одной стороны, Он, как причина всего, является всеобщим Владыкой; а с другой, есть и иной способ, которым и человек управляет людьми, через законы: так как, объявляя постановления¹⁹², одни – Сам и через учеников, [107] другие – через их преемников, Он держит в послушании и убеждении признавших силу Его. Так вот, первую власть, кем бы ты ни был и на что бы

¹⁸⁶ Ин. 18:19.

¹⁸⁷ ἑκεῖνοι (т.е. иудеи) А : ἐκεῖνος (тот, т.е. Пилат) А²Р.

¹⁸⁸ Речь идет об иудейском царе Ироде Агриппе I, который обожествлялся народом и за это был наказан внезапной смертью, изъеденный червями. См.: Деян. 12:21–23.

¹⁸⁹ А : – А²Р.

¹⁹⁰ δικαιοσύνης А²Р : διοικήσεως (управления) А.

¹⁹¹ τὸ γ' ἐπ' αὐτῷ.

¹⁹² τὰ δοκοῦντα.

ни дерзнул, ты не уничтожишь: ибо невозможно, чтобы Тот, Кто всем управляет по мановению, перестал быть Творцом сущего. А вторую, составленную из нас, – вполне. Признай же, что ты совершаешь не меньший грех, уничтожая ее, чем ту, другую, и упраздняя законы – [не меньше], чем посягая на мироздание, если бы это тебе было позволено. Ведь у Бога она не на меньшем счету, чем та; но, если кто-нибудь рассмотрит строго, которая [власть] Ему более угодна, обнаружит, что вторая, поскольку ради нее Ему потребовалась первая, чтобы овладеть человеческими мыслями и убедить в том, что Ему угодно, и склонить к выбору, Он сотворил небо и все видимое, и самого этого человека, и ради этого Сам был человеком, и принял бичевание и смерть, и приобщился к иным человеческим [свойствам], дабы иметь возможность насадить на земле эти законы, чтобы весь мир таким образом имел Его в качестве Творца и единственного Законодателя. Для этого Он повел апостолов по всей вселенной и сделал для них приятными труды и последующую смерть. Ведь они боролись не только за догматы, но ничуть не менее и за благоразумную жизнь, так как без нее от тех никакой пользы. Жить же по слову¹⁹³ [зависит] от законов, из которых одни они установили сами, узнав от Бога, другие же – после них пастыри Церквей, следовавшие их образу мыслей. У всех у них один законоположник, Христос, сказавший им: *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается*¹⁹⁴. Итак, в то время как Бог, дабы иметь это начальство и владычество, столь многое сотворил, вы же легко разрушаете, и полагаете [при этом], что совершаете дело безошибочное и ничуть не опасное, – куда уж больше может быть безрассудства и наглости? Говорил [некто]: *Поставлю престол мой на облаках*¹⁹⁵. Побойся, как бы не заболеть тебе его недугом...

31. Есть и такие, кто говорят в оправдание, что время законов Божиих уже вышло: ведь когда-то было полезно считать их действующими, а ныне уже нет; похоже, Спаситель прекратил ветхий закон Своим более совершенным законом, а они Его [закон] – своими. Итак, если они вводят и крещение новое, и кровь, пусть предъявят и другого бога! Если же уважают они эту воду и говорят, что время этой жертвы еще не прошло, [стало быть], сохраняют и [христианские] законы. Если ты их отбросишь, то не будешь иметь никакой пользы от таинств: ведь тот, кто решил нарушать закон, кое-как посвящен в таинства¹⁹⁶. И таким образом ничто не мешает, чтобы христианство вообще сошло на нет¹⁹⁷ при таких решениях этих самых мужей.

Я же не вижу, о какой такой несвоевременности они говорят. «Ныне повсюду порок, – говорят они, – а хорошего¹⁹⁸ мало». Но ведь при самых первых провозвестниках закона вселенная была во много худшем состоянии, [108] вся страдала безбожием и крайней порочностью: однако же они проповедовали, и Спаситель послал их, велел как крестить всех, так и научить во всем блюсти закон. И Сам Он в какое время пришел на землю и изрек эти законы?

¹⁹³ τὸ δὲ κατὰ λόγον βιοῦν.

¹⁹⁴ Лк. 10:16.

¹⁹⁵ Ис. 14:13–14. Эти слова произносит «денница, сын зари», которого традиция отождествляет с низверженным в ад сатаной.

¹⁹⁶ εἰκῆ μεμύηται.

¹⁹⁷ τὸν χριστιανισμὸν ἐκ μέσου γενέσθαι.

¹⁹⁸ τὸ χρηστόν.

Когда, как сказано, *умножилось прегрешение*¹⁹⁹. Ведь это разумно, если кто-либо полагает, что время болезни – пора для врачей и лекарств, и тем скорее, чем она тяжелее. А бегать больными от того, кто может вылечить, было бы [свойственно] только для сумасшедших, которых прислужники врачей, сперва связав, затем предадут тому, что требует [врачебное] искусство. Так что не может наступить ни поры для беззакония, ни несвоевременности закона, но и святотатство, и несправедливость, и всякое из непотребств (всегда)²⁰⁰ зло, и не бывает, чтобы дерзнувший на такое избегал упреков, или чтобы дерзкие подвергались более легкому наказанию.

32. «Однако и Епифаний, – говорят они, – и до него Давид считали иногда приемлемым пренебречь чрезмерной справедливостью и смягчить строгость законов. И последний, хотя ему и не подобало, ел от священных хлебов²⁰¹, а первый, хитростью захватив богатство Иоанна, расточил в руки нищих²⁰². Так в чем же мы допускаем беззаконие, если по тем же причинам, по наступлении таких же времен, делаем то же, что и мужи праведные и исполненные Бога, которые, как видно, Богом были подвигнуты совершить это».

Но ведь те вовсе не попрали никакого право и не нарушили законов. Ведь ни первый не украл, ни второй не ограбил, поскольку взяли они то, что давал владделец: так как только этим и отличается взятие добром, а не злом, то есть не воровством, не обманом, не насилием, но с согласия обладателей – что к твоим деяниям не относится, а в том, что сделали они, вполне имеет место. Так непохоже подражаешь ты этим мужам и настолько далек ты от них, чтобы идти их путем, – тем более, если их сподвиг на это и склонил Сам Владыка золота и серебра, и тех хлебов, и всего вообще. Необходимо твердо верить в то, что было с этими мужами, и (смело)²⁰³ полагать, что не по своему собственному почину пошли они на такое. Воистину, если бы они явно нарушили закон, получили бы возмездие – ныне же восхваляются. Ибо если бы были они во всем честными, но в этой части нарушили бы закон, то беззаконие не представили бы неким почтенным делом, перенеся на него, вместо подобающего, добрую славу: наоборот, они сами унаследовали бы от этого зло; подобным образом, никто из здравомыслящих не скажет, что в своих правых делах они добавили какую-то славу справедливости и законам, но, напротив, им самим был почет от этого. Ибо никто не бывает прямее правила и почтеннее права. Следовательно, мы не будем судить о законах по поступкам отдельных людей, но по законам будем оценивать деяния каждого, и по этому правилу узнаем живущих по правде и негодяев; и хорошим человеком мы назовем того, кто всякий раз заботится о справедливости [109] и законах, а порочным – кто, напротив, попался бы на беззаконии, хотя бы он и мог предъявить всю прочую жизнь честной; если бы это был *даже Ангел*, как говорит блаженный Павел²⁰⁴.

33. Но все это примеры, которые убеждают с легкостью нарушать закон тех иереев, которые толком их не осознали и не уяснили. Ибо в то время как

¹⁹⁹ Рим. 5:20.

²⁰⁰ *κακὸν αἰεὶ* A : *κακὸν ἂν εἴη* (было бы злом) P.

²⁰¹ См.: 1 Цар. 21.

²⁰² Эпизод из Жития св. Епифания Кипрского, гл. 44–45 (PG. Т. 61. Col. 80–82).

²⁰³ *τολμήσαι* A: – P.

²⁰⁴ Гал. 1:8.

священные законы повелевают избрание иереев не совершать за мзду, а до них Спаситель даровал благодать даром, они, продавая [ее], не считают, что поступают незаконно, так как плату, говорят, они тратят благим образом. Однако ни для раба, продавшего Господа, ни для покупателей-евреев обвинение не сделалось легче оттого, что они не посмели воспользоваться платой, но первый бросил ее в храме, а последние – истратили на странников²⁰⁵. Но они ничуть не менее мерзки и достойны ударов молний и пропастей, так как Единственного Свободного²⁰⁶ за мзду предложили друг другу, будто находящегося у них в рабстве. И никакими заботами о нищем и странниках не избавятся от заслуженной геены дерзнувшие на такое. И не поднимай крика: ведь это не мои слова, но самих законодателей. Ибо, говорят они, дающий священство за деньги делает Духа рабом²⁰⁷. И ты настолько отличаешься от них, что они оскорбили Сына, а ты – Духа: равных по чести.

34. Далее, и о выборах ты не можешь сказать, что не портишь²⁰⁸ их: ведь ты предпочитаешь не добрых, но дурных. Ибо что более омерзительно или безрассудно, чем муж, столь маниакально желающий власти²⁰⁹, что ради возможности заполучить ее, и притом дурным образом, он пускается на растрату имущества²¹⁰ и оскорбление Бога. Ведь если кто-то и допустит, что во всем прочем он хорош, со священством он во всяком случае не имеет ничего общего, если, конечно, следует верить самим законодателям.

Если же ты докажешь, что выборы являются правильными, перейду к тебе: что бы ты ни говорил, тебе не избежать того, что ты продаешь руку и являешься торговцем благодатью. Ведь оттого, что ты называешь это даром, а не [товаром], имеющим цену²¹¹, и не выкладываешь на прилавок²¹², и не оглашаешь на рынке, за сколько продаешь, и криком не собираешь [110] желающих купить, но пользуешься названиями более почтенными, и о сделке знает вместе с тобой только комнатка, и делаешь ты это ночью и в потемках, неужели ты сможешь изменить существо дела и вместо купли и торгашества²¹³ совершить нечто почтенное? Разве ты назвал бы камень золотом, если это камень, а не золото? Или сказал бы о взломщике, что он не взламывает стены и не совершает злодеяния, но ночью ремонтирует²¹⁴ дома, и избавил бы от наказания и записал бы в число добрых людей? *Мы вразумляем людей*, – говорит Павел, – *Богу же мы открыты*²¹⁵; ты же никого из людей не убедишь, что от изменения названий изменяется истинное представление о вещах. Поскольку ни для кого не секрет, что не вещи следуют за названиями, но последние за первыми; и все знают, что продажа – не что иное, как нечто

²⁰⁵ См.: Мф. 27:3–7.

²⁰⁶ Т.е. Святого Духа.

²⁰⁷ См. Апостольские правила 29–30 и толкования на них Иоанна Зонары и Феодора Вальсамона (Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων / 'Εκδ. Κ. Ράλλης, Μ. Ποτλῆς. Ἀθήναι, 1966 (gerg.). Т. 2. Σ. 37–38).

²⁰⁸ οὐ διεφθορας.

²⁰⁹ περὶ τὴν ἀρχὴν μεμηνότος.

²¹⁰ τὰ ὄντα διαφθεῖρειν ἀνέχεται.

²¹¹ τίμημα.

²¹² πωλητήριον.

²¹³ καπηλείας.

²¹⁴ οἰκονομεῖν τὰς οἰκίας.

²¹⁵ 1 Кор. 5:11.

дать и за это нечто получить. Это-то получение и запрещает закон; ты же, получая, назови это дело как угодно: ведь хотя бы ты (дерзнул)²¹⁶ назвать это честнейшим из честного, ты совершаешь беззаконие. Ибо о том, что ты не даешь даром, вопиют руки, (и ты не смог бы это отрицать)²¹⁷. Ведь посмотри, если в государствах²¹⁸ куплю и продажу, на которые содержатся города, ты низведешь до пустых названий и введешь такой закон, чтобы все давали и получали за то, что дают, все, что им друг от друга нужно, но ни в коем случае не называть это ни покупкой, ни торговлей, ни товаром, ни ценой, но взаимными дарами, разве от этого почувствовал бы город хоть какой-то ущерб или выгоду и стал бы хуже или лучше в отношении общества²¹⁹ из-за этой схемы и названия? И кто из находящихся в уме скажет так? Ведь звук не может ничего добавить к вещам и внести [в них] изменение.

35. Итак, если дающий называет дары радушием, дружелюбием или подношением, причитающимся вам как владыкам, следовало бы обращать внимание не на слова, а на то, какую цель он имеет на уме; и он не дал бы, не надеясь твердо получить или уже получив и удерживая. А если он дает таким образом и ты, зная, приемлешь дающего таким образом, ты соучаствуешь с ним в том же замысле и являешься сообщником в торгашестве, и то, что получаешь, получаешь как цену за то, что даешь, и таким образом, для вас обоих дело это – явная продажа; а святые отцы говорят, что при этом продается Дух. Так зачем ты приобретаешь столь худую прибыль ценой столь великих опасностей и, хотя бы ты и потратил немного денег [111] на доброе дело, ставишь себя в ряд обесчестивших Дух? Впрочем, законодатели, конечно же, прекрасно знали, что ты истратишь то, что получил, на должное, но тем не менее запретили: ибо именно это написано для епископов²²⁰. Так, они называют их не лихоимцами, не какими-то пропащими и худыми людьми, но справедливыми, мудрыми, бескорыстными, человеколюбивыми и честными во всех иных отношениях; и именно таковым, кто во всякой трате взыскует угодного Богу, запрещается получать богатства от рукоположений²²¹. Ведь если бы ты имел в виду порочных, то, во-первых, с какой стати? Им они и даром не допускают совершать дела священников. Потом, даже если мы допустим и то, что они терпели таких епископов и установили закон и для них, какое было бы основание, раз уж они поручили им души, деньги и целый город, не доверять в отношении нескольких оболгов? Значит, не растрат опасаясь, сказали они это, и не на это нацелен у них закон, совсем не на это. Итак, что можно сказать? Если бы они и не изложили причину этого закона, мы вполне могли бы и сами догадаться; однако они говорят, за что порицаются эти дары: чтобы, как сказано, продаваемый Дух не стал бы рабом²²². Слышишь? Так что же, будем и дальше утверждать, что цель у закона иная? Да ведь ты и сам не решишься пренебрегать самими законодателями и не доверять им, изложившим свою цель в произнесенных ими словах, а следовать своим догадкам о смысле.

²¹⁶ καλέσαι τολμήσης A: καλήσης A²P.

²¹⁷ καὶ οὐκ ἂν ἀρνηθείης A: – A²P.

²¹⁸ ταῖς πολιτείαις.

²¹⁹ περὶ τὰς κοινωνίας.

²²⁰ См. 123-ю новеллу Юстиниана (гл. 2, § 1) и Василики. III. 1, 10.

²²¹ ἀπὸ τῆς χειρὸς εὐπορεῖν.

²²² См. примеч. 208.

36. Говорят, что есть некоторые царские законы, которые повелевают внести столько-то и столько-то посвятившим в священный сан²²³. И так, если это делается ради назначения, ясно, что они нарушают Божий закон; но никто не настолько царь²²⁴, чтобы ставиться выше Бога и быть господином решения, нарушая закон. Да и не только человеческого, но и ангельского гласа, как считает Павел²²⁵, не следует слушаться, если он дерзает говорить нечто иное помимо положенных законов. Если же они повелевают совершать назначение даром, но назначенные получают для себя вместе со священством и какую-то иную службу, которую им получить безвозмездно было бы несправедливо, — тогда либо предъяви нечто такое, им предоставленное, либо, не имея что указать, кроме назначения, согласись, что оно продается.

37. «Так что же? Разве не хорошо, когда иерей после поставления предоставляет поставившему отдохновение от трудов и угощает его и его окружение?».

Да, но по доброй воле и охотно, и не только их дозволено угощать, но всегда и всех; когда же с них взимают это словно некий обязательный [112] налог, и они в слезах договариваются с кулинерами²²⁶ и платят оболы, проклиная утробы угощаемых, (особенно если бедны и, не имея собственных средств, дают пир, взяв займы под большие проценты), — я не знаю, как нужно назвать такое дело. Ибо ничем не будет постыднее и бесчеловечнее такой трапезы, если ты ради лепешки и обыденного насыщения станешь насильником и беззаконником, притесняя и разоряя брата, омрачая славу Божию, и вымогая, и извращая милость благодетеля, не позволяя уже его дару быть даром (ибо разве можно назвать так то, что приобретается в результате ущерба?), а самого себя позоря и вместо пастыря и служителя благодати выставя каким-то торгашом и мздоимцем²²⁷. Так ты продаешь свое достоинство и предстояние, чтобы поест, словно Исав²²⁸, и *разрушаешь дело Божие ради пищи*, как сказал Павел²²⁹, хотя бы даже тебе и было предписано есть и пить и делать прочее во славу Божию. Как же ты заснешь после такого пира? Какими доводами думаешь успокоить совесть? Ведь разве ты не умрешь, единственным из людей?

38. Вы набрасываетесь и на дома почивших иереев и присваиваете общественные доходы²³⁰, в то время как законы²³¹ повелевают одно сохранять для их преемников, а другое оставлять наследникам епископов, если таковые име-

---

²²³ Нормы, регламентирующие обычные взносы и подношения архиереям со стороны поставляемых клириков, содержат новеллы Юстиниана (56 и 123.3), Исаака I Комнина (1059 г.) и Алексея I Комнина (1085 г.).

²²⁴ οὐδεὶς δὲ οὕτω σφόδρα βασιλεὺς.

²²⁵ Гал. 1:8.

²²⁶ τοῖς ὄψοποιοῖς.

²²⁷ κάπηλόν τινα καὶ μισθωτόν.

²²⁸ См.: Быт. 25:29–34.

²²⁹ Рим. 14:20.

²³⁰ τὰς ἀπὸ τοῦ κοινοῦ προσόδους.

²³¹ См. 40-е Апостольское правило (о разделе имущества епископа на частное и церковное); 35-й канон Трулльского собора (запрет митрополиту отчуждать имущество почившего епископа или его церкви); новеллу Андроника II от 1312 г. (Jus Graeco-Romanum / Ed. С.Е. Zachariae a Lingenthal. Т. III. Lipsiae, 1857. P. 633–635; запрет посягательства на имущества покойных митрополитов и епископов со стороны гражданских чиновников).

ются. Но вы, вовсе не беспокоясь о (сетованиях одних и)²³² попрании других, пользуетесь, чем хотите! Но в чем, скажи мне, вы можете обвинить умерших? А в чем живых? А города? А самих законодателей? Разве вам не положено уважать эти акты? Разве вы не присягнули? Разве при этом не призывали в свидетели Бога и всю герусию²³³? Разве не при таких [условиях] вы были возведены? Разве не для соблюдения законов вы взошли на этот престол? Так зачем так непристойно забывать о верности всему этому ради худой прибыли? Ведь закон не содержит ничего темного или запутанного, но прямо и ясно отстраняет вас от чужого²³⁴; и ты не найдешь, что бы сделало тебя господином этого на законных основаниях, хотя бы ты и тысячу раз сказал о том, какими [113] боголюбивыми и полезными были траты. Ведь уже доказано, что в этом нет никакого смысла! Так зачем же ты опять на это ссылаешься?

«Я беден», – говорит он.

Так ты потому будешь набрасываться на чужое и совершать еще худшее беззаконие, что беден? Это могло бы убедить их быть более человеколюбивыми, но тебя ничуть не сделает более правомочным отнимать помимо их воли: так как одно дело милость, а другое – право. Ты же, когда судишь других, признаешь право и ни бедному не выносишь более мягкий приговор из-за его бедности, ни богатому более суровый из-за богатства, но и с первых равно взыскиваешь за преступления, в которых уличишь, и не позволяешь, чтобы неимущие что-либо захватывали у имущих, но, призывая последних к благотворительности, ничем их не облагаешь, если они не дадут по доброй воле. Неужели ты не стыдишься решать обратное, когда нужно помочь тебе самому?

«Но, – говорит он, – нам причитается ради Евангелия. Ибо *Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования*²³⁵, (говорит Павел)».

Разве вы похожи на тех, о которых здесь [идет речь]: бездомных, (не имеющих утвари)²³⁶, почти нагих, босых? Они получали от дающих, причем исключительно добровольно, и установили такой закон: *не с огорчением и не с принуждением*²³⁷, хотя сами и ничего не имели у себя и из того, что необходимо для тела – ведь именно это означает «жить», – и каждый от тех, для кого был вестником спасения. Ты же захватываешь и грабишь у рыдающих и сетующих, имея дом и коня, и слугу, и прихлебателя, и, полагаю, серебро и кубышку²³⁸: и потому то, что случается тебе брать, – не восполнение нужды, но добавка к изобилию, и не у тех [ты берешь], для кого ты пастырь, но обираешь чужие города: таким образом, ты во всем допускаешь противоположное им²³⁹. Как же не стыдно тебе приводить в оправдание мужей, с которыми ты не имеешь ничего общего и на чьи дела ничего похожего ты не делаешь?

²³² τούτων κλαόντων οὔτε ἐκείνων πατουμένων Α : τούτων πατουμένων Ρ.

²³³ τὴν ἡγερούσιαν.

²³⁴ О неотчуждаемости имени почившего епископа см., в частности, 40-е правило свв. Апостолов и 35-е правило Трулльского собора.

²³⁵ 1 Кор. 9:14.

²³⁶ τοὺς ἀσκεύους Α : – Ρ.

²³⁷ 2 Кор. 9:7.

²³⁸ κιβώτιον.

²³⁹ Т.е. апостолам.

39. «Но, – говорит он, – это мое, и не дающие нарушают справедливость. Ибо я пастырь всех [городов] в той же степени, в какой каждый [епископ] – своего; и даже если я и взял бы против воли, не буду несправедливым».

Таким образом ты тем более совершишь беззаконие. Даже с теми, чей ты пастырь, ты не должен поступать несправедливо, поскольку это запрещает закон. Кроме того, если ты епископ митрополии²⁴⁰, разве ты вправе наживаться за счет зависимых городов²⁴¹? Ведь закон адресован не большинству и направлен не против тех, кто нарушил права равных по чести²⁴², но повелевает воздерживаться от священных средств зависимых [городов] стоящему над ними епископу митрополии, то есть тебе²⁴³. Итак, справедливо ли ты считаешь себя их епископом или притязаете на звание, которое тебе не подобает, в этом вопросе²⁴⁴ не играет никакой роли: но покуда закон этот действителен, ты уличаешься в беззаконии. Ведь если бы твой сан²⁴⁵ был каким-либо иным, не похожим ни на один из искони установленных, и ты доказал бы, что не относишься к епископам, для которых определен закон, [114] ты легко бы нашел, как избежать кар этого закона. Но поскольку ты, даже по тщательном разыскании, не найдешь себя никем иным, как тем, кого законодатели называют епископом митрополии, тебе остается либо признаться в беззаконии, либо, желая защитить себя, обвинить в несправедливости закон, который ты поклялся уважать. Но поскольку второе – клятвопреступление и вопреки договору, выбери первое!

40. Но и для того, чтобы обличить тебя в том, что ты обманываешься, говоря, будто ты епископ для зависимых [городов], не потребовалось бы многих и долгих слов. Но какие же это [доводы]? Ты сам выбираешь епископов каждого [города], налагаешь руку и призываешь Духа – и из-за этого вцепляешься в престол и считаешь этот (его)²⁴⁶ город своим городом? Но разве у тебя нет того, кто стал [для тебя] началом всего этого²⁴⁷ – отвел к алтарю²⁴⁸, коснулся головы и провозгласил священство? Ведь не от себя лично и не сам по себе ты получил это. Так пусть же он из-за этого будет твоим сообщником по пастырству, и возглавит город, и являет себя повсюду епископом – а ты не обижайся и не сочти это беззаконием. Но даже если недоставало бы этого довода, ты и сам рассудишь: какой закон велит судьям быть дольщиками или наследниками имуществ подсудимых? Ведь и тебя они судят, но ты даже во сне не допустил бы видеть²⁴⁹ их сообщниками по власти. Так почему же ты даешь иным то, что сам получаешь от других, но затем не передаешь давшим то самое, что сам претендуешь получать от облагодетельствованных? Однако

²⁴⁰ μητροπόλεως Α : πόλεως (города) Α²Ρ.

²⁴¹ τὰς ἀλοίκους πόλεις, букв. «выселенные города, колонии», здесь – провинциальные города, подчиненные митрополиту.

²⁴² ὁμοτίμους Α : ὁμοφύλους (единоплеменников) Ρ.

²⁴³ См. 34-е Апостольское правило и 9-е правило Антиохийского собора (запрет митрополиту действовать без согласия подчиненных ему епископов).

²⁴⁴ вопросе Α²Ρ : обвинении (ὑραφῆν) Α.

²⁴⁵ σχῆμα.

²⁴⁶ τὴν πόλιν Ρ : τὴν αὐτοῦ πόλιν Α.

²⁴⁷ ὑπῆρξεν.

²⁴⁸ εἰς τὴν τράπεζαν ἤγαγε.

²⁴⁹ видеть Α²Ρ: принять Α.

о том, что это несправедливо и противозаконно, ты, защищая себя, очевидно, прекрасно знаешь, но когда хочешь напасть на других, тут же забываешь.

И вообще, к чему другие доводы? Достаточно, опустив (все)²⁵⁰, иметь в виду, что в каждом городе бывает только один епископ. И если в зависимых [городах] им окажешься ты сам, тогда уже считать это мнение действительным; если же нет, более не домогаться напрасно чужого, оспаривая у владельцев. Какие же это [права]? Никому не позволять входить в алтарь, совершать таинства и садиться на тамошний священный трон. Кто не знает, что когда ты совершаешь это в своем городе, ты не совершаешь нарушения, когда же дерзнешь где-либо в другом месте – опасность велика. Стало быть, как же мы назовем тебя епископом города, правительствующий престол²⁵¹ которого закон не разрешает [тебе] [115] даже лицезреть?²⁵² Но ты рассчитывал, подобно василевсам, посылать в каждый из городов игемонов и при этом ничуть не менее начальствовать над всеми!

41. И это, введя в заблуждение слишком доверчивых иереев, наполнило города тысячами бед. Но [ничего] такого не имеет места, и ты в отношении к другим не сохраняешь даже близко этот статус, но [имеешь] тот, который у законодателя и свата²⁵³ в отношении браков: ведь они, заключая их и сочетая жен с мужьями, один сватовством, другой – определением того, что положено совершать, от прочих семейных дел стоят в стороне. А чтобы тебе стало ясно, посмотри на образец священства, (Христа)²⁵⁴, и на всех²⁵⁵, кто подражает Ему. Что же, разве Он (не Владыка и)²⁵⁶ не Жених Церкви? Следовательно, ты, когда кому-то поручаешь город, сам являешься сватом и, подыскивая для этого достойного, действуешь как законодатель; но как они не считают, что им самим полагаются жены, или имущество жен, или что они хозяева чьих-либо имуществ, раз они сплотили весь их очаг, ни при жизни, ни после смерти мужей, так и ты не поступишь справедливо, если [собственность] иных пастырей считаешь своей: ибо ради этого закон отстранил вас от алтарей и престолов в зависимых [городах] и даже в сами врата²⁵⁷ города не допустил входить, пока не узнает и не повелит [местный] епископ.

Все это [сказано] для того, чтобы ты понял, что ты стал пастырем одного города, и это такой образ власти, при котором ты не как владелец, давший другим управлять своей собственностью, считая их как бы служителями в отношении полной власти, но все вы опекаете Невесту одного Владыки и заботитесь, чтобы блюсти ее для Него *прекрасной и непорочной*²⁵⁸, и все одинаково священнодействуете через Его благодать, предоставляя друг другу только одно – руку²⁵⁹. Итак, не ищи никакой выгоды ни от них, ни от подчиненных

²⁵⁰ все А: – Р.

²⁵¹ τὸν ἀρχικὸν θρόνον.

²⁵² См. каноны, запрещающие епископам без приглашения являться в чужие епархии: II Всел. 2; Антиох. 13 и 22; Серд. 3.

²⁵³ ὁ νυμφαγωγός.

²⁵⁴ Христа Р: – А.

²⁵⁵ епископов А.

²⁵⁶ не Владыка и Р: – А.

²⁵⁷ врата (θυρῶν) Р: преддверья (προθύρων) А.

²⁵⁸ Ср.: Песн. 4:7.

²⁵⁹ Начало вставной тетради в А (А^b).

помимо их воли: ведь ты не стал бы ни обманывать их, ни заставлять, если бы закон велел им делиться имуществом с вами. Иначе погубишь [в себе] пастыря: ведь, став *наемником*, невозможно более быть *пастырем*, так как велика разница между пастырством и наемничеством²⁶⁰: потому что, получая таким образом, не сможешь назвать то, что берешь, никак иначе, чем мздой²⁶¹.

42. Ведь бывает и у добрых пастырей нечто взятое у подопечных, и они берут это – но если кто дает добровольно; к тем же, кто не хочет, они не помогают. Это для дающих служит свидетельством благодарности, а пастыря вовсе не делает наемником; ведь мы сочтем и назовем [такowymi] не по умонастроению дающих, а исходя из того, что те сами хотят и признают. Ты же, требуя, если делаешь это наобум и безо всякой причины, совершаешь незаконные и разбой; если же потому, что ты пастырь, берешь мзду за священство. И чтобы ты понял, что это означает иметь мзду и не просто получать, но получать по требованию, посмотри на то, что считается у людей похвалой добродетели: для кого бывает *мзда* от дел: разве не для тех, кто стараются и делают все, благодаря чему только могут получить [ее]?²⁶² А для взирающих только на Бога бывают награды и от людей, для вящего назидания живущим, но тем не менее они не считаются мздой, так как самопроизвольны, и те ради них не шли ни на какие ухищрения.

43. Итак, нет недостатка в доводах, (чтобы доказать)²⁶³, что ты взимаешь мзду. Это постыдно и наносит тебе столь великий вред, что даже если бы ты требовал справедливо и дотация²⁶⁴ не приносила бы приносящим никакого ущерба, ты по справедливости отклонил бы эти доходы. Ибо, во-первых, к тебе не будет никакого благорасположения от подначальных, поскольку в этом нет обязанности: как и с ремесленниками, к которым из-за того, что им платят, не испытывают благодарности. Ибо в городах имеется большая потребность в такого рода людях²⁶⁵, и если кто-то изгонит этих мужей, ничто не помешает всем городам тут же погибнуть. Ведь и одежда, и питание, и жилье, и обувь, и пахота, и мореплавание, и сооружение стен и орудий, и прочее, благодаря чему жизнь поддерживается у нас в благополучии и на чем держится власть, – [все это] труды ремесленников. И нельзя будет преуспеть ни в мирное, ни в военное время, и невозможно будет [даже] различить, которое из них удобнее и полезней, если они не обеспечат нас своими [трудами]. Что же препятствует считать их спасителями, возлюбить превыше всего и называть всеобщими благодетелями, основателями²⁶⁶, покровителями²⁶⁷ и тому подобное? Плата. Ибо она всегда лишает их этого, не позволяет быть лучше прочих и не дает иметь должниками тех, кто облагодетельствован этими великими благами; но одни терпят невзгоды и труды ради того, что обеспечивает нам жизнь, а другие, благоденствуя благодаря их трудам, презирают их,

²⁶⁰ См.: Ин. 10:11–13.

²⁶¹ Обыгрывается родство слов *μισθός* ‘мзда, плата’ и *μισθοφόρων* ‘берущий плату, наемник’ (в Евангелии – *μισθωτός*).

²⁶² См.: Мф. 6:2, 5, 16 (в русском переводе – «награда»).

²⁶³ чтобы доказать P: – A.

²⁶⁴ ἡ χορηγία.

²⁶⁵ τοῦτου τοῦ γένους.

²⁶⁶ οἰκιστής – почетный эпитет, восходящий к эпохе древнегреческой колонизации.

²⁶⁷ πολιοῦχος – небесный покровитель и заступник города.

вовсе не считая причиной своих благ, а признательность чувствуют лишь к самим себе и к монетам²⁶⁸. Таким же образом и тебя мздоимство лишает всякой благодарности, всякого почтения, подобающего пастырю.

44. Ибо не обманывайся тем, что видишь, и не принимай театр за действительность, когда тебя называют всех любезнейшим и почтеннейшим: это – от страха опасающихся, как бы ты не причинил им какого-нибудь еще худшего зла, точно так же, как работаровцы почтенны для пленных, а тираны и разбойники – для захваченных и угнетаемых; а если бы ты преодолел личину, узнал бы образ мыслей и хорошо увидел бы то, что внутри, обнаружил бы там себя ничего не имеющим от пастыря, человеком дурным и жалким, ничем не лучше ремесленников и торговцев. Что хуже такого наказания, когда ты от такой удивительной власти получаешь самое дурное, не уловляя души человека, не покоряя умы, не пользуясь поистине любовью и почтением, но, подобно играющим в драмах роль консулов или полководцев, получая лишь видимое и деланное почтение. Кроме того, не только в человеческой доле испытываешь ты несчастье, и не только в этих пределах устанавливает мзда наказание, но лишает она и небесных наград, полагающихся пастырям: ибо Христос уже не будет должен тебе за священство, погасившему весь долг монетой. Ведь нельзя и в тех не прогадать, [117] и эти взять, но обязательно либо одно, либо другое. Поэтому ни помогающие бедным, ни постящиеся, ни молящиеся, которые Христа²⁶⁹, имея Судией деяний, не любят, но при этом жаждут наград от людей, не смогут сподобиться и того, и другого, но все воздаяние получают здесь: ибо *уже получают*, – как сказано, – *награду свою*²⁷⁰. И как тем нельзя будет в пору увенчивания привести в доказательство милосердие, воздержание или какую бы то ни было иную добродетель, за какое деяние им воздавалась на земле малая слава, так и ты не предстанешь перед Судией среди священства. И как ты только выдержишь тогда предстать среди простых людей и выглядеть лишенным сего почтенного сана на виду у всей вселенной?

45. «Так зачем же Христос, если действительно взимание платы является причиной столь многих бед, побуждая *жить от благовествования*²⁷¹, называет это дело платой? Ибо, – говорит Он, – *трудящийся достоин платы своей*²⁷²».

Он называет это так по настроению приносящих, с которым должно совершать приношение; дабы знали, что, обеспечивая учителей пропитанием, они не милости совершают, но уплачивают долг. Но не это, как сказал Он, делает их наемниками, а то, когда кто-то сам себя представляет к получению платы, когда, ссылаясь на священство, требует ее. Итак, нужно, чтобы и иерей, имеющий нужду в необходимом, получал от [дающих] добровольно и ничего сверх надобности – если, конечно, он собирается делать пастырское дело и хранить свой сан; если же нет, он услышит «наемник», «торгаш» и тому подобные упреки. Я говорю «наемник», если только мы допустим, что

²⁶⁸ τὴν χάριν γινώσκουσι.

²⁶⁹ Χριστόν Α^β: – θεόν (Бога) Ρ.

²⁷⁰ Мф. 6:2, 5, 16.

²⁷¹ 1 Кор. 9:14.

²⁷² Лк. 10:7 (в синодальном переводе – «награды»).

он берет, никому²⁷³ не причиняя вреда или обиды; когда же добавить и их – что имеет место, – то он настолько хуже наемника, насколько тот не покушается на вред и лишь настолько совершает незаконное, что, как сказано, *видит волка приходящего, и оставляет овец, и бежит*²⁷⁴, а этот становится для пастыри вместо мириад волков. Ибо братъ, требуя и вынуждая силой, во-первых, означает для пастырей нарушать право и закон, а затем приносит вред подначальным, и не какой-нибудь мелкий и не тот, на который можно было бы по справедливости не обратить внимания.

46. Ведь о том, что они обязаны пастырям и пропитание предоставлять, когда им нужно, и платье по возможности, полагаю, говорит некий закон. Но о том, чтобы пастыри вымогали у них помимо их желаний и принуждали к повинности²⁷⁵, как делают сборщики государственных налогов, [118] не распорядился ни один законодатель. Напротив, сказано: *не с принуждением или насилием, и каждый уделай по расположению сердца*²⁷⁶, и *пасите стадо, какое у вас, не принужденно, не для гнусной корысти*²⁷⁷. Ибо если кто-то вправе приносить что бы то ни было, это не значит, что если он уже не желает делать и давать то же самое, он был бы обязан приносить и помимо воли. Потому что всем нам вменено в обязанность уважать, почитать и увенчивать добродетельных²⁷⁸, а пренебрегающие этим совершают неслыханное; но те не будут требовать почестей, а если потребуют, допустят столь сильное незаконное, что удостоятся высших наказаний, – если, конечно, величайшая из кар для имеющих разум, когда претерпевающие тяготы ради добродетели обманываются в своих наградах: ибо *уже получают*, как сказано, *мзду свою*.

«Разве не надлежит всем напитать Христа через нищих? Это Его закон, и для нарушающих его геенна положена в наказание²⁷⁹».

Но пусть никто не посягает принуждать к этому нежелающих. Причина же в том, что этот или иной закон и все прочие такого рода обязанности придуманы не столько ради тех, кто получает благо, сколько ради тех, кто творит его: чтобы преумножать в них любовь к соплеменникам, готовить к добродетели и упражнять²⁸⁰ в благожелательности и чтобы обеспечивать [ответную] признательность к благодетелям. Однако это намерение закона достигает цели, если это делают по доброй воле и охотно, и воспитывают этими делами душу милостивую и благожелательную, настроенную на добро; если же против желания, это не прибавило бы ей ни человеколюбия и никакой иной добродетели, а имеющуюся изгнало бы, и вызвало бы еще большую ненависть, и причинило бы душам тысячекратный вред.

47. Итак, считающий, что по закону можно и нежелающих привлекать к этой повинности²⁸¹, не замечает, что он сам нарушает закон, преступно и про-

²⁷³ μηδένα A^b: μηδέν (ни в чем) P.

²⁷⁴ Ин. 10:12.

²⁷⁵ λειτουργίαν.

²⁷⁶ Ср.: 2 Кор. 9:7.

²⁷⁷ 1 Петр. 5:2.

²⁷⁸ σπουδαίους.

²⁷⁹ См.: Мф. 25:35–46.

²⁸⁰ ἀλείψῃ καὶ... ἀσκήσῃ – букв. «натереть маслом и натренировать»; типичный пример применения спортивной терминологии к христианской духовной практике.

²⁸¹ χορηγίαν.

тивозаконно делая то, чем думает поспособствовать закону и праву. Но даже если бы это и было законом и допускалось, следовало бы иметь в виду пользу большинства, рассуждая вслед за Павлом: *все мне позволительно, но не все полезно*²⁸². Если ты стремишься сам получить пользу и ищешь от общественных взносов²⁸³ только, чтобы выгадать, не забываясь о вносящих, чтобы им не столкнуться с каким-либо ущербом от взноса, ясно, что ты не *стадо унасаешь*, а самого себя, и напоминаешь тех пастырей, которые *откормленных заколают и потерянной не ищут, и пораненной пренебрегают*²⁸⁴. Если же берешь ради дающих, рассмотри, каким способом ты, беря, будешь полезен им, а не навредишь. Как же это [сделать]? Если дождешься произволения. Ибо если бы ты брал у них вопреки желанию, угрожая и заклиная, и хватая²⁸⁵ за плащ, деньги получишь, а человека потеряешь: ведь совершенно ясно, что он отворачивается, возненавидит, сочтет [тебя] насильником и [119] лихоимцем, который ничуть не учтивее самих сборщиков налогов. А больше этого ущерба для них не было бы ничего. Ведь наличие пастырей – полезнее всего, ибо священство – то, что доставляет нам спасение и все наше собирает воедино²⁸⁶. Наоборот, противоположное этому зло – когда нет пастырей: это состояние столь же благоприятно для негодяев, как то – для порядочных. Но хуже этого наихудшего, то есть когда города лишены пастырей, то зло, когда имеющиеся пастыри ненавидимы, поскольку в том случае они ничем не помогают, а в этом – даже вредят.

48. Это ополчает на вас и монахов в обителях, и ничто столь не враждебно, как епископ для монахов, которые при его посещении в страхе уступают ему, словно тирану, втайне же страшно проклинают и избегают общения и вида его, точно Горгоны. И по любому поводу они осыпают [его] оскорблениями и все время ищут, чем бы ему навредить, и если кто-то скажет нечто такое, тот для них друг и говорящий приятное; а если он умрет, они радуются больше, чем если бы поймали разбойников. Особенно же молятся они, чтобы по возможности престол не достался бы никому, а если это неизбежно, чтобы по крайней мере какое-то долгое время он оставался не занят посаженным, или же чтобы начавший править тут же был низложен. Если же он долго живет и занимает престол, они негодуют и вопиют к Богу и, точно рабы в узах, криком и слезами призывают на это место щедрого. И делают они это не потому, что он напоминает им о законах и требует любомудрия²⁸⁷ и жизни, полной подвигов, и тем самым горек и досаден для них, нерадивых, но потому, что налагает дани, пропитание доводит до скудости, причиняет²⁸⁸ им нищету и проявляет к ним сугубое человеконенавистничество, не щадя тела и пренебрегая душами, погибающими у них из-за враждебности к нему. Сколько ты думаешь в обителях нищих, причем стариков (и больных)²⁸⁹ и во всех отношениях жалких, которые, нуждаясь в тысячах средств помощи во

²⁸² 1 Кор. 6:12.

²⁸³ τῶν λειτουργιῶν.

²⁸⁴ Ср.: Иезек. 34:1–4.

²⁸⁵ ἐνεχυράζων A^b: ἐνεχυριάζων P.

²⁸⁶ τὸ... τὰ ἡμέτερα πάντα συνέχον.

²⁸⁷ φιλοσοφίαν ἀπαιτεῖ.

²⁸⁸ ἐπιτίθει, букв. «натирает, возбуждает, раздражает».

²⁸⁹ καὶ νοσοῦντας A^b: – P.

всякого рода немощи, лишены простого куска хлеба, который прекратил бы их голод? И таких людей ты в особенности обираешь, расхищая общий дом, и хотя должен от себя и за свой счет творить благо, способное дать утешение в невзгодах, ты не только не прибегаешь [на помощь] и не предоставляешь ничего, но отбираешь и имеющееся пропитание и надкусываешь лепешку. И ты не боишься ни жажды богатого, ни вопля из пламени, ни решения о нем Авраама²⁹⁰, будучи много более жестоким, чем тот богач, к этим Лазарям? Ведь тот только проходил мимо, не удостаивая человека никакого попечения, ты же приумножаешь зло и делаешь то, отчего голод их становится страшнее, старость тяжелее и болезнь свирепее. И так поступает кто и с кем? Отец, заступник, с детьми, на тебя взирающими!

49. «Но, – говорит он, – если я облегчу поборы, их дела ничуть не станут лучше: ведь оставленное не достанется им, но будет наживой других, богатых».

Поскольку, стало быть, хорошо, что, избежав лихоимцев, в твои руки попадают деньги, продовольствие, одежда или что бы ты ни забирал, [120] почему же все это сразу не оказывается у этих нищих? Или что же ты не наказываешь лихоимство тех, хотя можешь? Но ведь ты не обвинишь их в этих преступлениях больше, чем себя, и прежде них положенному наказанию подлежишь ты сам, который ловит расхищающих и имеет власть проверять, исправлять, пресекать и наказывать. Но что я говорю о наказании? Ведь если бы ты только сказал и объявил, что тебя угнетает, что бедным причиняется ущерб при общественных пожертвованиях²⁹¹, ты бы всего добился. Но, полагаю, [дело обстоит] иначе: этот взгляд и довод не содержит ничего здравого, а вы незаконно собираете подати; и отовсюду ясно, что именно это всегда отвращает, приводит ко всяческому пороку, устраняет любовь к вам и уважение и губит души. Скажи же, какую потерю ты считаешь меньшей: братьев или оболов? И к какому именованию предпочитаешь быть относенным: наемника и волка – или пастыря?

50. «Хорошо, – говорит он, – но куда ты денешь давность обычая? Ведь это началось не вчера и не вдруг, а законодатели говорят, что обычай действует вместо закона²⁹²».

Но, во-первых, на это дерзнули вовсе не издревле, и у тебя нет примеров непрерывности подобной практики. Далее, закон утверждает не всякое обыкновение, когда нечто просто делается долгое время: ведь так он узаконил бы многие непотребства, на которые дерзают²⁹³ часто и многие; но [только] то, говорят законодатели, правомочно и имеет силу законов, что успело стать обычаем и получить признание судей. Почитай закон: «Обычай какого-либо города или провинции мы применяем тогда, когда он, оспоренный, был подтвержден в суде»²⁹⁴. И далее: «Авторитет обычая и узуса не настолько силен, чтобы преодолеть здравый смысл или закон»²⁹⁵. Так что эти отговорки не дают вам ничего ни справедливого, ни уважительного, ни благопристойного,

²⁹⁰ См.: Лк. 16:19–26 (притча о богатом и нищем по имени Лазарь).

²⁹¹ ἐν ταῖς κοιναῖς διαδόσεσι.

²⁹² См.: Василики. II, 1, 42 (= Дигесты. I, 3, 33).

²⁹³ На середине этого слова кончается вставная тетрадь в А (A^b).

²⁹⁴ Василики. II, 1, 43 (= Дигесты. I, 3, 34).

²⁹⁵ Василики. II, 1, 51 (= Кодекс Юстиниана. VIII, 52, 2).

но вы явно совершаете беззаконие, (точно)²⁹⁶ тираны, повсюду делая законом свое мнение.

51. Удивляюсь и тому, что если вы все могущество имеете от власти, а власть вам создают законы, какой силой вы выступаете против законов? Как видно, не силой законов и не могуществом власти, которая у вас от законов, но прибегая к какой-то частной²⁹⁷ силе отнимаете вы у более слабых то, хозяевами чего их делают законы. Сила же такого рода бывает и у тиранов, и у пиратов, и у разбойников, которым для того, чтобы дерзать на все, достаточно обладать средствами, толпой или силой рук, либо напасть из засады. Так что же ты преследуешь взломщика или кого-то другого подобного, будучи повинен в том же? Или покажи, чем сам ты лучше поступаешь в отношении законов. Что же тот? Бродит ночью? И что это за вина? Но с оружием! А [121] какой закон запрещает вооружаться? Но в чем же преступление? В том, что он лишает собственности ни в чем не повинных. Но ведь это то, чем [занимаешься] ты! И разве нет таких же отговорок у него, оказавшегося в нужде, которая, (думаю)²⁹⁸, и больше, и уважительнее? Ведь он [может сослаться] и на свою бедность, и на жадность и скардность богатых, и на то, что не полезно для городского сообщества²⁹⁹, когда одни угнетаемы голодом, а другие транжирят золото как попало.

52. Так как же ты еще будешь вершить суд и выступать перед народом³⁰⁰, какая уже будет польза для подчиненных от тебя, беззаконника и лихоимца, считающего это для всех правильным? Ведь ты не будешь свободно изобличать преступников, сознавая у себя ту же [вину], чтобы и они не обвинили тебя в том же, и не сможешь убежденно отстаивать обычаи и права, продемонстрировав своими действиями, что в [твоих] словах³⁰¹ нет ничего здорового. Тем самым ты положишь *братьям случай к преткновению или соблазну*³⁰², как говорит Павел. А ты прекрасно знаешь наказание, которое положено для дерзающих на такое. Ибо поскольку ты, даже справедливо приобретая то, что берешь, не избежишь высшей кары за то, что не заботаешься о том, что этим вредишь многим, что нужно думать, когда ты согрешаешь двояко: и тем, что берешь беззаконно, и из-за презрения к их гибнущим душам? Ведь если мы и допустим, что ты не допускаешь беззакония, действуя таким образом, ты должен был бы по справедливости отбросить всякую прибыль и право, лишь бы только не казаться многим беззаконником. Поскольку и Спаситель уплатил подать тем, кому знал, что Он ничего не должен, и, имея право отослать их с пустыми руками, добровольно внес взнос³⁰³, предотвращая ущерб других, хотя это можно было бы сделать пропитанием нищего: но Он счел лучшим потратить их таким образом, *чтобы*, – как сказал, – *нам не соблазнить их*³⁰⁴. И Павел не усомнился исполнить уже утративший силу закон и *обрезал*

²⁹⁶ ὄσπερ Α: – Ρ.

²⁹⁷ ἰδιωτικῆν.

²⁹⁸ οἴμαι Α: – Ρ.

²⁹⁹ τῷ κοινῷ τῆς πόλεως.

³⁰⁰ δημηγορήσεις.

³⁰¹ λόγοι Α: νόμοι (законах) Ρ.

³⁰² Ср.: Рим. 14:13.

³⁰³ ἐλειτούργησε.

³⁰⁴ См.: Мф. 17:24–27.

ученика, и ученик согласился, дабы не лишиться любви у чтущих иудейские обычаи³⁰⁵. Ты же не решаешься претерпеть ради братьев даже в той мере, чтобы довольствоваться имеющимся и держаться положенных законов, но допускаешь, чтобы тебя считали порочнейшим, лишь бы выгадать немного оболов или похозяйничать.

53. Однако подобало бы разумным смотреть в каждом деле не только на то, ожидает ли их какая-нибудь выгода, но и на то, не противоречит ли она пользе, и исследовать это. И если побеждает лучшее, выполнять и доводить до конца; если же наоборот, прекращать. Ты же признаешь [лишь], что из этих средств ты снабжаешь бедных, но то, что с твоего ведома гибнет немощный брат, за которого умер Христос, в расчет не берешь? И, согрешая таким образом против братьев и поражая их немощную совесть, ты согрешаешь против (Самого)³⁰⁶ Христа. Не трепещешь ли, слыша [такое]? Не кажется ли тебе, что это достойно большей заботы, чем попечение о бедных и нищих или любое названное тобою общественное³⁰⁷ и человеколюбивое дело? К чему ты здесь столько приобретаешь, сколько там губишь? Разве это, с одной стороны, не польза душ, которым ты вредишь, а с другой – спасение тел, за которое ты предаешь большее? Разве первое не является делом твоим и таких, как ты, а второе – еще и многих других? Ведь почему ты не обращаешь внимания на то, [122] ради чего ты занимаешь этот престол? Ибо ты сел на него не для того, чтобы собирать подати или взимать плату или чтобы всяким способом собирать деньги или распоряжаться [ими]. Воистину, немногого стоило бы священство, если бы не было сведущим ни в чем большем, чем пребывающие на государственной службе³⁰⁸. Но забота о душах, слово и научение правым догматам и целомудренной жизни и увлечение всех пасомых к Богу силою молитв и обрядов и собственным примером, вот что такое священство, вот что такое чин начальства, вот что привело Бога на землю, вот что убедило умереть. А заступаться за вдов, питать нищих и быть искусным в подобных делах – пусть и это будет делом иереев, но вторичным после тех и менее важным, поскольку те [дела] не могут быть, если их не совершают иереи, а эти доступны и частным лицам и всякому желающему.

54. А у апостолов не считалось приемлемым вместе с теми [делами] заботиться и об этих, ничуть ни разделять заботу между теми и другими, чтобы худшее не стало препятствием к лучшему, но, уступив это другим, меньшим их самих, и заботясь о них в той мере, в какой ими избирались диаконы, в остальном они посвящали себя только молитве и евангельскому слову. *Нехорошо нам*, – говорят они, – бросив слово Божие, пеишься о столах³⁰⁹. Ты же, словно задавшись целью в каждом случае перечить им, и здесь идешь противоположным путем и ради того, чтобы хорошо устроить столы, делаешь слово [Божие] напрасным. И, пороча сан в глазах учеников, ты своими поступками внушаешь о себе самую дурную славу, ведешь речи неубедительно и недостоверно и кое-как возглашаешь к народу, как говорится, *медью звеня-*

³⁰⁵ См.: Деян. 16:1–3.

³⁰⁶ αὐτόν Α: – Ρ.

³⁰⁷ δημοτικόν.

³⁰⁸ τῶν ἐν πρυτανείῳ στρεφομένων.

³⁰⁹ Деян. 6:2.

щей или кимвалом звучащим³¹⁰. Ведь читающие установленные законы и сопоставляющие с этим мериллом твои [поступки], находят [тебя] беззаконным и невежественным; ты же, выискивая оправдание и подбирая сети и цель законов³¹¹ и тому подобное, никого не убеждаешь и восходишь на помост, всем представляясь таковым. Чье можно предполагать уважение, чье благорасположение, какую веру? Или ты думаешь, что можешь убедить и без этого, рассуждая так о том, что требует труда и пота, какова подобающая христианам жизнь? Ибо как будут слушать увещания того, кого считают дурным и кого отвращаются? Как поверят, что ты говоришь истинно, если видят, что ты сам в это не веришь, из-за чего допускаешь противоположное? И таким образом у каждого развращается нрав и никакой речи не будет о добродетели, извращаются и догматы, ибо *вера без дел мертва*³¹², и нет никакой пользы от священных обрядов, если никто к ним не подготовлен. Так ты предаешь величайшее из всего ради самого ничтожного и позоришь сан, который имеешь, и добровольно губишь и бесчестишь себя. И поступаешь подобно тому, как если бы военачальник в боевом строю, забыв о тех, над кем он поставлен, и отойдя к слугам, стал бы производить смотр носильщиков и обозных, на погибель самому себе и на погибель тем, кем командует. [123].

55. Ибо как ты вообще еще будешь начальником и пастырем, когда у тебя так слабо и плохо обстоит дело с убеждением и речами? Что же остается, чем ты сможешь осуществлять начальствование, кроме пустых увещаний и кое-как сказанных публичных выступлений? Ведь иереи обязаны все свои дела вершить не рукоприкладством, не насилием, не принуждением, но только убеждением, – если, конечно, ты не считаешь [свою] власть³¹³ политической и не берешь в пример консулов, игемонов, стратиггов, эдилов и преторов³¹⁴, чья власть по преимуществу основана на силе³¹⁵. Если же ты будешь подражать (и сделаешь образцом власти)³¹⁶ ту, которой Христос действовал в общественных делах³¹⁷, то у Него не было никакого насилия, но повсюду Он стремился к произволению и делал все, чтобы снискать его. Ибо Он смотрит не на то, чтобы кто-то стал просто *исполнителем* Его законов³¹⁸, но основное значение придает тому, хочет ли он и выражает ли готовность. Ибо не о *деле праведности*³¹⁹ заботится Он, но о правильном образе мыслей. Ведь политические власти³²⁰ не ищут ничего большего, кроме действий по закону, и даже если кто-то в том, что делает, и помимо воли уважал бы писаное [право]³²¹, они не считают его правонарушителем; и в этом их власти содействуют око-вы, огонь и меч. Спаситель же того, кто не принял бы это убеждение от чисто-

³¹⁰ 1 Кор. 13:1.

³¹¹ γρίφος (τίνος ἐννοίας A¹ in marg.) καὶ σκοπὸν νόμων A.

³¹² Иак. 2:26.

³¹³ ἐξουσίαν.

³¹⁴ ὑπάτους... καὶ ἡγεμόνας καὶ στρατηγούς ἢ ἀγορανόμους ἢ ἀστυνόμους – ряд архаизирующих политических терминов, восходящих к греко-римской античности.

³¹⁵ ὡν βίᾳ τὸ πλεῖστον ἐστὶ τῆς ἀρχῆς.

³¹⁶ καὶ παράδειγμα ποιῆς τῆς ἀρχῆς A: – A²P.

³¹⁷ ἦν ὁ Χριστὸς εἰς τὸ κοινὸν ἐπολίτευσε.

³¹⁸ Ср.: Рим. 3:27–28.

³¹⁹ Ср.: Тит. 3:5.

³²⁰ οἱ πολιτικοὶ τῶν ἀρχόντων.

³²¹ τὰ γράμματα.

го сердца, считает совсем пропащим. Причина же в том, что замысел такого Его общественного поведения³²² и такой власти состоит ни в чем ином, как в том, чтобы мы стали добрыми³²³; а добрыми нельзя стать, не избрав умом благо.

56. Итак, поскольку твое могущество только в убеждении, но ничего убедительного, достойного уважения или полезного ты не скажешь тем, кому ты кажешься негодяем, (что же ты со всем усердием не бежишь от тех дел, за которые тебя считают негодяем)³²⁴? Ведь не зря Павел ко всему, чем почитал достойным украшаться епископу³²⁵, добавил и добрую славу³²⁶, и Спаситель прежде Павла говорит: *да светит свет ваш пред людьми*³²⁷; но ясно понимали они, что если кто-то из учителей утратит это, все погубит. Поэтому и апостолы, и бывшие после них пастыри чело­веков, которые заботились о славе Божией и о том, чтобы не погубить никого из пасомых, удостоили это великого внимания; а Иоанн, всех других превзошедший в искусстве пастырства, считал, что не только учителям и иереям должна быть присуща эта забота, но и частным лицам, которые, как говорит он, будут повинны в тысячах зол, если навлекут на самих себя дурную славу. При этом какой вред для многих от мужа, делающего свое дело, может быть столь же велик, как тот, что происходит от облеченных достоинством и вершащих дела государственные³²⁸? Однако же и о них он говорит, что они сильно прегрешают, предоставляя нам рассудить, какое наказание полагается начальствующим за такую беспечность; ибо [наказание] это будет для них тем тяжелее, поскольку, чем большую пользу они были призваны принести обществу, тем больше вредят, так что и словом не сказать. Не худо привести и сами слова сего мужа: **[124]** «Разве ты не знаешь, что жизнь христианина должна быть со всех сторон блистательна, и что любой, запятнавший свою славу, становится во всех отношениях негодным и уже не может приобрести никакой великой пользы, хотя бы и пришлось ему совершить великие дела? Ибо сказано: *если соль потеряет силу, к чему она будет годна?*³²⁹ Ведь Бог желает, чтобы мы были солью, светом и закваской, чтобы и другие могли от нас получать пользу. Ибо если люди, живущие безукоризненно, едва могут вразумить беспечных, то если мы предоставим им уязвимое место, разве не будем во всех отношениях виновными в их погибели? Ведь как ведущему порочную жизнь никогда нельзя спастись, так и навлекшему на себя дурную славу невозможно избежать наказания»³³⁰.

57. Если же Христос поступал так и это узаконил, и Павел так, и лучшие из иереев так, и того же требует приличие³³¹, – кто ты такой, чтобы презирать большинство? Разве не знаешь, что из-за того ты уважаем, и почитаем, и луч-

³²² τῆς πολιτείας.

³²³ ἡριστοί.

³²⁴ что... негодяем P: – A (пропуск из-за гомеотелевта).

³²⁵ ἐπίσκοπον A: ἱερέα (иерею) A²P; у Павла речь идет о епископе.

³²⁶ Ср.: 1 Тим. 3:7.

³²⁷ Мф. 5:16.

³²⁸ τὰ κοινὰ πολιτευομένων.

³²⁹ Ср.: Мф. 5:13.

³³⁰ Иоанн Златоуст. Слово к жившим вместе с девственницами, гл. 8.

³³¹ τὸ εἶκόσ.

ше многих [других], что совершаешь [дела] Христовы, и приводишь к Нему, и избрал идти по пути апостолов и их преемников? Если же ты уличен в деяниях, противных им, как впредь будешь полезен подначальным? Ведь если на это кто-то из подначальных спросит³³²: «раз законы это запрещают, а вы нарушаете, на что вы полагаетесь, чтобы приказывать нам?» Что скажете? На священство? Но вы попрали его законы! Так каким же образом сможете побеждать оружием, которым не овладели? Может, на слуг и телохранителей? Но не таков ваш образ власти. Что же остается? Придется грешить одним из двух: или будешь искать крепость, оружие и воинов, от которых получишь силу, или отступишься от власти, не имея ничего, чем сможешь управлять подначальными.

58. «Но противоречащие нам, – говорит он, – согрешают. Ибо, даже если мы и кажемся в чем-то ошибающимися, он не сами должны наказывать нас, но дожидаться решения судей».

Если ты нарушаешь закон, то вполне [могут и сами]: ибо закон велит пресвитерам уклоняться от общения с епископами, когда они ясно замечают их нарушающими право и закон, и не совершать с ними ни собраний, ни молитв³³³. Да и законы тебя извергают из начальства прежде, чем привести на суд, точно так же как и порочных в отношении догматов, и удостоивают равных бед с [125] нечестивцами, и считают нужным отвратить причиняемый тобой вред столь же серьезно и столь же быстро, как и пагубу еретиков, одинаково судя за то и другое, не требуя дожидаться суда и выжидать решений судей, но сразу же избегать, как натиска огня, дабы большинство не решило, что быть негодяем хорошо, раз это в чести у того, кто считается учителем и законодателем. И ты это допустишь и понесешь столь великое бесчестие? Ради какой выгоды, скажи мне?

59. О том, что ты поступаешь несправедливо, наживаясь указанным способом, законы и (сами) дела (громко)³³⁴ вопиют, издавая ясный глас. Так зачем мудрствовать цветасто и нагромождать множество оборотов, когда слово истины просто? Даже если за них никто не мог бы обвинить тебя, во всяком случае то, что ты совершаешь незаконно иным способом, приобретая у всех славу лихоимца и незаконника и предавая спасение многих – столь великое дело – за малые и худые барыши, засвидетельствовал Сам Христос и делами, и законоположениями Своими, и Павел, и все добрые пастыри.

Так пусть же тебя не вводит в заблуждение никакой довод, будто это не достойно геенны, и *тьмы внешней*, и крайних бед; но если нечто подобное придет тебе на ум, считай это уловкой лукавого, отклоняющего исправление, чтобы не оставлять в нас места для покаяния, и из-за этого подбрасывающего предлоги и отговорки, которыми убеждает он считать порок³³⁵ не только не дерзновенным, но и хорошим. От этой западни и насмешки так трудно

³³² ὑμᾶς A: – P.

³³³ Ср. 31-е Апостольское правило (пресвитерам запрещается порывать с епископом, «не обличив его ни в чем противном благочестию и правде») и 15-й канон Двукратного собора (там поводом для разрыва общения служит только публичное распространение прежде осужденной ереси).

³³⁴ μέγα βοῶσι καὶ αὐτὰ τὰ πράγματα A : βοῶσι καὶ τὰ πράγματα P.

³³⁵ τὸ πονηρόν.

убережешься, что сам пророк³³⁶ убоился и воззвал к Богу против этой страсти, ибо говорит: *не уклони сердце мое к словам порочности, чтобы предлагать предлоги к грехам*³³⁷. А в том, что помышления³³⁸ представляются и некоторым мудрецам и верным, нет ничего удивительного: ведь подбрасывающий их мудр на злодеяния в той же степени, в какой немощен и неумел в благодеяниях. Ты же строго держись законов Божиих и, во всем сопрягая с ними свои [дела], ничего не позволяй помышлениям: ибо *боязливы и погрешительны (мысли их)*³³⁹, как говорит Соломон³⁴⁰.

60. Вот что сказано нами, доставляющее удовольствие добрым, а худым – сильную неприятность. А чтобы ты не сказал: «К чему надо было делать речь [столь] резкой?», [скажу]: ведь нельзя было бы изобличить иначе, чем выставив на обозрение всю постыдность и неуместность этого дела. А это следовало сделать, ибо Писание убеждает нас *обличать мудрых*³⁴¹: ведь ни одно слово у нас не было обращено к порочным, однако они громко закричат и будут злословить; мудрые же, знаю, послушаются этих слов и отнесутся к ним с уважением и воздадут нам великую благодарность.

⟨Богу (же) – благодарение. Аминь.⟩³⁴²

---

³³⁶ Т.е. царь Давид.

³³⁷ Пс. 140 (141):4 (синодальный перевод: «не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым (πονηρίας) для извинения дел греховных»).

³³⁸ οἱ λογισμοί, букв. «помыслы», в аскетике – термин для порочных мыслей.

³³⁹ αἱ ἐλίνοιαι αὐτῶν A: – A²P.

³⁴⁰ Ср.: Прем. 9:14.

³⁴¹ Ср.: Притч. 9:8.

³⁴² τῷ θεῷ χάρις. ἀμήν A^x (A¹?): τῷ δὲ θεῷ χάρις. ἀμήν P.